

Александр Валентинович Амфитеатров

Пять пьес

Александр Валентинович Амфитеатров

Пять пьес

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22105425

Аннотация

«В настоящем труде своем автор руководствовался, по преимуществу, следующими источниками: 1) Летописный рассказ, 2) Былины Владимирова круга, 3) Карамзин, Соловьев, Костомаров. 4) «История Полоцка» Беляева, 5) исследования в области русской истории» Василия Пассека, 6) «Илья Муромец и богатырство киевское» Миллера, 7) «Женщина домонгольского периода» Добрякова, 8) «Семейные власти у древних славян и германцев» Шпилевского, 9) «Поэтическая воззрения древних славян на природу» Афанасьева, 10) Frithjoffssage, 11) «Викинги» (Походы викингов) Стриннгольма, – а также и многими другими.

Автором преднамеренно допущен незначительный анахронизм. Убиение Ярополка в Родне; изображено предшествующим сватовству Владимира к Рогнеде, тогда как дело было наоборот. Неточность в нескольких месяцах, кажется, проступок не слишком важный при передаче сюжета, многими признаваемого за сказку...»

Содержание

Полоцкое разоренье	4
От автора	5
Действие I	7
Картина I	7
Картина II	25
Действие II	43
Действие III	69
Действие IV	118
Отравленная совесть	142
Действие I	144
Действие II	164
Конец ознакомительного фрагмента.	179

Александр Амфитеатров

Пять пьес

Полоцкое разоренье

Драматические сцены в четырех действиях.

Пьеса поставлена впервые на сцене Императорского Московского Малого Театра 26-го декабря 1897 года.

Написана в 1886–1891 годах

Третье печатное издание пьесы.

Посвящается Марье Николаевне Ермоловой.

От автора

(К первому изданию 1892 года).

В настоящем труде своем автор руководствовался, по преимуществу, следующими источниками: 1) Летописный рассказ, 2) Былины Владимирова круга, 3) Карамзин, Соловьев, Костомаров. 4) «История Полоцка» Беляева, 5) исследования в области русской истории» Василия Пассека, 6) «Илья Муромец и богатырство киевское» Миллера, 7) «Женщина домонгольского периода» Добрякова, 8) «Семейные власти у древних славян и германцев» Шпилевского, 9) «Поэтическая воззрения древних славян на природу» Афанасьева, 10) Frithjoffssage, 11) «Викинги» (Походы викингов) Стриннгольма, – а также и многими другими.

Автором преднамеренно допущен незначительный анахронизм. Убиение Ярополка в Родне; изображено предшествующим сватовству Владимира к Рогнеде, тогда как дело было наоборот. Неточность в нескольких месяцах, кажется, проступок не слишком важный при передаче сюжета, многими признаваемого за сказку.

Лица:

Исполнители первого представления.

Рогволод, князь полоцкий. – г. Левицкий.

Рогнеда, его дочь – М. Н. Ермолова.

Владимир¹, князь киевский – К. Н. Рыбаков.

Добрыня, его дядя – г. Падарин.

Путята, его брат – г. Рыжов.

Вышата, ближний боярин Владимира – г. Парамонов.

1-й, 2-й и 3-й богатыри Владимировой дружины -

Ингульф, варяжский викинг – А. И. Южин.

Гаральд, дружинник Рогволода – А. И. Федотов.

1-й, 2-й и 3-й варяги из дружины Рогволода -

1-й кривич – В. А. Макшеев.

2-й кривич -

Без речей: **Изяслав, сын Владимира и Рогнеды** -

Варяги, славяне-поляне и славяне-кривичи, богатыри, женщины Рогнеды и др.

Время действия около 980–986 гг. по Р. Х., в последние годы язычества на Руси. Между вторым и третьим действием промежутки в семь лет.

Место действия: Полоцк, лес в земле кривичей и село Гореничи под Киевом.

¹ По экземпляру драматической цензуры – «Красное Солнышко».

Действие I

Картина I

Полоцк. Терем Рогволода. Гридница.

Добрыня, Путята и Вышата с малою славянскою дружиною.

Добрыня.

Не жду добра от нашего посольства!
Идет у нас плохое сватовство,
И, мнится, нам без сраму не убраться
Из Полоцка.

Путята..

Да, нареченный тесть
Медведем смотрит.

Добрыня.

Говорил я князю:
Зачем тебе с варягами вязаться?
Спесив и лют воинственный их род.

Путьята.

Куда нам до варягов! На варягах
Кольчатые рубахи, сапоги
Чешуйкою железною обиты,
У пояса булатный меч, в руках
Копье, что длинный шест от голубятни.
Варяг идет, – земля дрожит; плывет
Днепр плачется, береговые села
Горят ярчее бабьего светца!
Варягу до всего на свете дело:
Повсюду-то он хочет пановать,
Братъ дани-пошлины, чинить расправу
И под стальной тяжелый свой сапог
Славянскую гнуть шею. Ну, а мы
Народ простой и тихий, лыком шиты
И в лыко обуваемся, сохой
И бороной работаем охотней,
Чем кладенцом-мечом, в дела чужия
Соваться не привыкли: если нас
Не трогают, мы никого не тронем.

Добрыня.

А тронуть нас и недругу лихому
Не пожелаю. Смиранный наш народ
Во гневе – зверь. Не мало на варягах
Обид и кривды числит славянин:
Пусть берегутся переполнить чашу!

Вышата.

Нет на Руси заступников варягам:
Их старый друг и льстивец, Ярополк,
В гробу, а наше солнышко – Владимир²
Славянскою дружиной окружен,
Славянских чтит богов, славянский свычай
Блюдет по старине.

Путята.

Одно не ладно –
Зачем варяжку сватает? Не след.

Добрыня.

Хитер племяш. На Полоцка твердыни,
Варяжского насильника оплот,
Давно он виды тайные имеет.
Давно уже славянский этот край
Ждет вырваться из рук иноплеменных
И Киеву поддаться. Стоит знак
Владимиру³ подать, и тьмою воев
восстанут кривичи, и кровь польется.
Но добрый князь мечтает сватовством

² По экз. драм. цензуры – «наш князь».

³ По экз. драм. ценз.: «На бунт».

Достичь того, что властен взять войною;
Желает он, чтобы не меч, но брак
Связал его наследственно с правами на
Рогволода хищного удел.

Путята.

А если нам, послам княжим, варяги
Покажут двери?

Вышата.

Так и будет.

Добрыня.

Что ж?
Возьмем силом, чего не взяли честью.

Вышата.

Сюда идут. К сторонке станем, други!

Удаляются, в глубину терема. Ингульф и Гаральд входят, дружески беседуя.

Гаральд.

Напрасно ты покинуть нас задумал.

Ингульф.

Нельзя иначе. Викингу сидеть
Без дела богатырского постыдно.

Гаральд.

Навряд тебя отпустить Рогволод.

Ингульф.

Холоп ему я что ли?

Гаральд.

Он нечает
Души в тебе, где посадить, не знает,
И, кажется, никто другой, как ты,
Княжны Рогнеды суженый.

Ингульф.

Я сватал:
Согласен князь – Рогнеда не согласна.
Она горда, как Фрея. Мало я
Имею, видишь, подвигов и славы,

Чтобы назвать ее женой; нельзя
Связать свое блистательное имя
С моим ей темным именем. Короче:
Она меня не любить. Вот, Гаральд,
Причина, почему я уезжаю,
Зачем хочу попробовать свой меч
На витязях славянского поморья.
Рогнеда хочет славы: я не стар,
Не трус, – за славою не станет дело!

Гаральд.

Останься. Руки мощные твои
Нужнее много здесь, чем на Поморье.
Не миновать нам с Киевом войны
Из-за твоей красавицы, Рогнеды.

Ингульф.

Ужели ей в замужество идти
За темного князька, рабыни сына,
Изменою добывшего престол?
И слышать о Владимире⁴ не хочет
Князь Рогволод. Неслыханная дерзость
Такое сватовство!

Гаральд.

⁴ По экз. драм. ценз.: «И знать зятя нежданного».

Что говорить!
Родня не в почесть. Братъ зарезал брата
И по его невесту шлет сватов!
Покойный Ярополк уже объявлен
Был женихом Рогнеды.

Ингульф.

И княжна
Его любила? да?

Гаральд.

Любить, не видеv,
Нельзя, а полюбила бы наверно:
Покойник был могучий богатырь.
Я знал его. С воителем Свенельдом,
Опекуном его, мы свояки.
Свенельд вскормил в нем истого нормана, —
Он сапогов железных не менял
На лыковые лапти!

Ингульф.

Удивляет
Меня Владимир⁵: прямо на отказ

⁵ В экз. др. ценз.: «Князь Солнце».

Сам просится!

Гаральд.

А, может быть, отказа
И надобно ему. Напасть на Полоцк
Нельзя же без предлога. Он стоит
С дружиною у самой нашей грани,
И шлет сватов! Еще ли не насмешка,
Еще ли не желает он войны?
Боюсь, Ингульф, что выпряли нам
Норны недобрую судьбу. Славянский князь,
Играя с нами, взял вперед все кости,
И, может быть, последние часы
Теперь над нами носятся...

(Рога за сценой).

Ингульф.

Сам конунг.

Входит Рогволод с дружиною.

Рогволод *(становится на княжеское место).*

Пусть подойдут славянские послы!

Добрыня, Путята, Вышита выступают вперед и кланя-

ются.

Что скажете?

Добрыня.

Пора нам, господине,
Увидеть очи князя своего.

Рогволод.

Я не держу вас. Добрый путь!

Добрыня.

Ответа
Ты не дал нам.

Рогволод.

Мы порешим с гридьбой.
Сейчас же это дело.

Добрыня.

Как с гридьбой?
Семейное-то дело?

Рогволод.

Не скрываю
Я ничего от витязей моих.
С их множеством живу одной душою.
Варяжская дружина. Да здравствует могучий Рогволод!

Добрыня.

Чудно мне, князь... Обычай наш славянский...

Рогволод.

Обычай ваш славянский? Я норман,
Обычаев не ведаю славянских
И не желаю ведать их.
Своих мне за глаза довольно.

Путьяга (тихо).

Что ж, Добрыня?
Серчает князь, – чего еще нам ждать?
Уж обругал: пожалуй, драться станет?

Рогволод.

Что хочешь, здесь открыто возвести,
Да только поясней и покороче.

Добрыня.

Ин, хорошо. И впрямь: в чужую хату
Не след свои порядки приносить.
Не обессудь! я думал, что и Полоцк
По старому обычаю живет,
Как боги человеку указали,
Как мы живем и как живет весь свет.
У нас не горделивою насмешкой
Хозяева приветствуют гостей,
А честью-честь, поклоном, хлебом-солью.
Стыдимся мы на гостевы уста
Цепь надевать, как на губу медвежью.
У вас порядки новые. Ништо!
По-новому заговорим и сами.
Варяжский князь! вот сказ тебе простой:
Владимир⁶, светлый Киева властитель
И выборный новгородский князь,
Тебе, варягу, кланяется низко
И дочь твою, прекрасную Рогнеду,
Себе в супруги просит у тебя.

Движение между варягами.

Рогволод.

⁶ По экз. др. ценз. Мой родич.

Большую честь мне делает Владимир⁷,
Такую честь, что и не знаю я,
В каких словах сказать ему спасибо!
Подумать лишь, что Полоцка княжну,
Праправнуку великого Радбрада,
Оденову наследницу, возьмет
В свой терем... кто же? – ключницы Малуши
Откуда-то пригулянный сынок!

Хохот среди варяжской дружины. Движение между славянами.

Вышата.

Князь! речь твою нам слушать непригоже.

Путяга.

Уйми его, Добрыня.

Добрыня.

Погоди.

Рогволод.

Пускай сама прекрасная невеста

⁷ По экз. др. ценз.: «ваш родич»

Вас, дорогих сватов, благодарит.

Дает знак. В глубине гридни открывается дверь Рогнеда, в пышном наряде, окруженная прислужницами, появляется на лестнице, ведущей из гридницы в светлицу терема.

Ты слышала, Рогнеда?

Рогнеда.

И отвечу.

(Послам).

Ступайте вы, непрошенные гости,
В свой теплый Киев, родину людей
С оленьей жидкой кровью в слабом теле
И заячьей ничтожною душой!
Придете, – своему скажите князю:
Рогнеда земно бьет тебе челом
На памяти княжой твоей и ласке
И рада-б замуж... да одна беда:
Бойтся, как-бы Ярополк покойный,
её жених, а твой любимый брат,
Не встал из гроба призраком кровавым,
Чтоб гостем сесть на свадебном пиру
Убийцы своего. Беда другая:
Слыхала я, что на славянских свадьбах

Целует молодая, как раба,
Десницу повелителя-супруга
И с ног его снимает сапоги.
Так пусть уж разувальщицу другую
Поищет князь, меж дев своей страны,
К мужскому надругательству привычных,
А Полоцка свободная княжна
Не для того на свет родилась белой,
Чтобы разуть рожденного рабой!

Дверь затворяется. Варяги стучат оружием со смехом и насмешливыми криками.

Варяги.

Да здравствует прекрасная Рогнеда!
Да здравствует могучий Рогволод!

Путята.

Ай, девушка! язык твой нож каленый,
А слово – подколотная змея:
Шипит, льет яд и в сердце на смерть жалит!
Красива ты, но злости у тебя
В душе, пожалуй, много больше будет,
Чем красоты в лице.

Ингульф.

Презренный раб!
Язык твой слишком дерзок. Ты ли смеешь,
Червяк слепой, на солнце клеветать?

Путята.

Не знаю, молодец, кто ты. Путята-ж
Ничьим рабом и не был и не будет; –
Остерегись, Ингульф. Когда бы не послом
Стоял ты перед князем Рогволодом,
Я на твою ответственность бы брань,
Не языком – мечом своим.....

Рогволод.

Довольно!
Не потерплю я ссоры в терему.
Молчи, Ингульф, и вы, послы, молчите!

(Добрыне).

Вы слышали? чего же вам еще?
Иль мудрено ответила Рогнеда?
Так я вам растолкую.....

Добрыня.

Нет, спасибо

На милости! Ты гнать нас погоди.
Уйдем и сами, дай лишь молвить слово.

(Торжественно).

Князь Рогволод неправдой завладел
Ты Полоцком. Не веча приговором
Основано твое княжое право,
Не завещаньем предков, а лихим
Разбойничьим набегом дикой шайки
Свирепых бездомовников-бродяг.
Князь Киева, пресветлый наш Владимир⁸
На Полоцкую землю предъявляет.
От Рюрика приятые права.
Давно стоит с бесчисленною ратью
Он на границе Полоцкой земли,
И к миру и к войне равно готовый,
И вести ждет от нас, своих послов.
Ты оскорбил жестоко нас. О мире
Не может быть и речи.

(Обнажает меч).

Острый меч,
Таинственно жрецами освященный
На киевском Перуновом холме;
Я пред гридьбой твоею повергаю,

⁸ По экз. др. ценз.: «Солнце Князь»

Как грозный зов борьбы на жизнь и смерть.

Бросает меч к ногам Рогволода.

Рогволод.

Вот эта речь тебе пристала больше,
Чем сватовство. Я принимаю вызов.

Отрок подаешь Рогволоду меч Добрыни.

Война – так быть войне!

Взмахивает мечом.

Варяги (*стучать оружием*).

Война! Война!

Рогволод.

Послы, храня закон гостеприимства,
На двое суток конного пути
Дарю я жизни вашей безопасность.
Но горе вам, когда на трети день
Заря вас в крае Полоцком застанет!

Уходит со всей своей гридьбой, при восторженных криках

варяжских воинов.

Путята.

Небось! Не засидимся. Чтоб тебя,
С разбойничьим твоим гостеприимством,
В своем аду так Гела приняла!
Она ничем не хуже хлебосолка

Гаральд и Ижсульф возвращаются.

Гаральд.

Послы! вас ждут оседланные кони,
Мне поручил достойный Рогволод
Вас на лесную вывести опушку.

Ингульф (Путятъ).

Прощай, посол! на поле боевом
Мы свидимся с тобой. И для Валгаллы
Один из нас желанный, скорый гость.

Путята.

Прощай, варяг! Ты у меня узнаешь
Ужо, как обзывать меня рабом!
Когда твою железную рубаху

И цареградский кованный шелом
Не прошибу мечом – возьму дубину:
Держись, варяг! как сноп измолочу!

Путьята, Добрыми и Вышата удаляются в сопровождении Гаральда.

Славянская дружина следует за ними. Ингульф уходит в противоположную сторону, во внутренние покои Рогволода.

Картина II

Дремучий лес в земле кривичей. Посека и хутор. За деревьями видны шалаши Владимировой⁹ рати. Владимир с несколькими кривичами сидит на срубленном дереве.

Владимир.

Так все в лесу живете?

1-й кривич.

Искони.

Вон хутор наш.

Владимир.

⁹ По экз. др. ценз. дальше всюду, вместо Владимир, – «Красное Солнышко»

Темно у вас в дубраве...
Угрюмый лес... Недолго заскучать
В зеленом вашем царстве...

1-й кривич.

Мы привыкли.
Здесь тихий лес. Коль буря налетит
И на опушке дубы поломает,
У нас вершинки только пошумят.
Как в омуте живем. Гостей не часто
Приходится видать нам. В нашу глушь
Ни осенью, ни красною весною
Доступы нету. Полая вода
Стоит по рвам и балкам, грузнут доли.
Повсюду грязь, да топь, дрожит земля.
Зимой, что стены, выростут сугробы,
Опять к нам ни проехать, ни пройти.
Засыплет нас в землянках; как медведи
В берлогах спим до солнцеповорота,
Да слушаем, как северяк-мороз,
Зимы-колдуньи грозный воевода,
В лесу гуляет, свищет и стучит
По соснам ледяной своей дубинкой,
С лесовиком воюя...

Владимир.

А зверье

Не забижает вас?

1-й кривич.

Беда! рогатин
Не напасемся. Силен тут медведь,
Перунов зверь, лесной чащи хозяин,
А волку-сиромaxe, кошке, рыси
Богатырям-дружинникам его
И счета нет! Скотины не заводим
Из-за зверья: где нам ее стеречь!
Владимир.
Пушной меною кормитесь?

1-й кривич.

Да. Летом
Мы рубим лес и путики кладем.
В ту пору наезжают к нам варяги
Из Полоцка и дани с нас берут
Бобрами да лисицей чернобурой.
И торг ведут: домашний обиход,
Хлеб, соль, богов, наряды бабьи, луки,
Рогатины, червленые щиты
Привозят к нам; а мы куницу, белку
Даем в замен. Варяг уйдет – ятвяг
Надвинется и тоже спросить дани.
За ним придет свирепая Литва,
И ей дадим.

Владимир.

Кому же, горемыки,
Подвластны вы?

1-й кривич.

Подвластны никому –
А платим дани.

Владимир.

Да кому?

1-й кривич.

Кто спросить
И кто сильнее нас.
Берет с нас Полоцк,
Берут ятвяги, тоже и Литва.
Вот ты пришел к нам с многою дружиной:
Прикажешь дань – заплатим и тебе.

Владимир.

Отныне так не будет. Вас возьму я,
бесщастные, под княжескую руку

И под защиту крепкую свою.
Мне одному и данью, и покорством
Обязаны вы будете. Беда –
Тому, кто вас осмелится обидеть.
Я дам вам копья, воеводу, рать:
С ятвягов и варягов ваших сами
Возьмете дань; лишь стоять захотеть...

Рог за сценою. Владимир быстро встает с места. Входят Добрыня, Путята, Вышата с другими.

Добрыня.

Челом бьем князю-солнышку!

Владимир.

Здорово,
Хоробрая дружина! здравствуй, дядя!
Из Полоцка богатого в леса
Что принесли хорошего?

Добрыня.

Немного,
Надежа-князь! Вернулись мы с отказом
По горло срамом сытые.

Владимир *(после некоторого молчания)*.

Я ждал,
Что будет так. Тем лучше. Оскорбленьем
Князь Рогволод мне руки развязал.
За мною в ставку, Вышата и дядя!
А ты, Путяга, милый побратим
И сверстник мой, сberi гремящим рогом
Мою дружину, стяг мой подыми
И возвести, что на враждебный Полоцк
Мы выступаем ныне же в ночи.

Уходит с Вышитою и Добрыней. Путяга взлезает на пень и троекратно трубит в рог. Отовсюду сходятся к нему богатыри простые воины и славяне-кривичи.

Путяга.

Внимайте мне, богатыри и вой!
Владимир-князь зовет вас воевать
Богатый Полоцк, город Рогволода,
Обидчика-злодея своего.
Потешьте князя, молодцы!
Кто любит Владимира,
Ест хлеб его и соль,
Вооружись, сberi свою худобу,
И будь готов в немедленный поход.

Трубит, слезает со пня и садится на землю. Его окружает кучка богатырей и кривичей.

1-й богатырь.

Давно пора. А то в лесных трущобах
Погнили мы, что пни без корчевы.

2-й богатырь.

Не ближний путь на Полоцк. По болотам,
Пожалуй, и в неделю не дойти.

Путята.

Пути лесные, русла и овраги
Мни ведомы: не даром я Путята!
Такою вас дорогой поведу,
Что узрите вы Полоцкий детинец
Скорей, чем три румяные зари
Улыбкой солнце встретят и проводят.

3-й богатырь.

Варягов много. Воины они

Могучие.

Их одолеть не шутка.
Под Полоцком не одному из нас
Сложить свою головушку придется.

Путяга.

А ты не каркай вороном!

1-й богатырь.

Наверно
И кривичи пристанут к нам.
На бой охочи их ребята молодые...

2-й богатырь.

И старики ништо.

Путяга.

Как снежный ком,
Катящийся с горы, расти и пухнуть
Княжая будет рать. По хуторам,
Погостам, завалившим деревушкам,
Что, как барсучьи норы, здесь в лесах
От взора человеческого таятся,
Давным давно гуляет недовольство.
Варяги всем противны. Кривичи
Соскучились по Палтесову веку,

По вольностей старинных временам.

1-й кривич.

Скучаем... точно... Новгород Великий
Прислал в наш край своих переселенцев,
Могучих, грозных оных полочан.
Мы приняли их дружески. Нам боги
И семьи стали общие. Мы речью
Одною говорили, на войну
Ходили вместе. Крепкою защитой
Нам был союз наш братский. Ливь и Корсь,
Летигола, Литва, варяги сами
Боялись нас, грабительской рукой
Не шарили по нашему угодию.
Мы жили жирно. Налетел варяг
Все помутил.

1-й богатырь.

Ты с нами, значить, старче?

1-й кривич.

И сам пойду и роду своему
Велю идти; молодых лишь оставлю
На хуторе стеречь ребят и баб.

Владимир, Добрыня и Вышата выходят из-за деревьев.

2-й богатырь.

А вот и князь!

1-й богатырь.

Как гневен!

3-й богатырь.

Туча тучей!

Путята.

Еще-бы князю весело глядеть!

Жестокую обиду Рогволода

На щит свой, вместо солнца, не прибьешь,

Хвалиться нечем!

1-й богатырь.

Он шелом снимает,

Стал на бугор... Знать, хочет говорить.

Владимир всходит на пригорок, обнажает меч и трижды ударяет им по своему щиту. Добрыня ходит между воинами.

Добрыня.

В круг, молодцы! Верстайтесь по десяткам!
Эй, сотские! десятские! вперед!

Дружина окружает пригорок. За нею располагаются толпы простых воинов.

Владимир.

Здоровы будьте, храбрая дружина!

Дружина.

Здоров будь.

Владимир.

Земный вам поклон
Кладет ваш князь. Небось, уже слышали
Вы все, каким позором Рогволод
Покрыл мою головушку? Дружина!
Покойный брат мой, княжич Ярополк,
Как я, Рогнеду сватал, и варяги
Его не оуждали сватовства,
Но за большую милость почитали.
За что-ж я оскорблен? С покойным братом

Не одного ли дети мы отца?
В нас кровь одна, одной мы чести стоим,
Но вот ему почет, мне поруганье!
Эх! с той поры, как мать сыра-земля
Стоить, такой не видано обиды!

1-й богатырь.

Ты не кручинься.

2-й богатырь.

Голову твою
Мы отомстим своими головами!

Владимир.

Что я, не Ярополк, не как варяг,
Живу, не знаюсь с ними, их Одену
Жертв не курю, но ваших чту богов,
Век коротаю с вами, вашим бытом,
Так я не князь? Так я не человек?
Обидно мне, дружина удалая,
И за себя, да и за вас обидно.
Гнушается славянами варяг,
В чужой земле насильник и пришелец,
Как будто той земли он волостель.

Дружина.

Горды не кстати стали! Мы собьем
С них эту спесь шалыгами! На Полоцк!
На Полоцк нас веди! На Рогволода!
Добудем мы Рогнеду для тебя!
Твоя обида наша! Черной кровью
Варяжскою мы смоем твой позор!
В бой, в бой веди!

Владимир.

Вторично бью вам низко
Челом за то, что князя пожалели
И ворогу не выдали его!..
Верстай полки, Добрыня. Вечереет,
И див кричит на дереве... Пора.

Добрыня уходит. Владимир кривичивам.

Залешане! Со мной-ли вы?

1-й кривич.

С тобою,
Князь-солнышко! Готова наша рать.
У нас недолгий сбор: дубье на плечи,
Лук за спину, да с толокном кису
На пояс – и готово.

Владимир (*сходить с пригорка*).

Бочку меда

Вели разбить, друг Вышата! Ковши

Скорей подать сюда!

Вышата и 1-й богатырь выкатывают из-за деревьев бочку меда. Отроки тем временем разносят ковши. Владимир кулаком вышибает дно в бочке и черпает мед.

Перед походом

Я пью за вас, товарищи мои!

За ваше богатырское здоровье!

Богатыри со смехом и криками теснятся у бочки.

2-й богатырь.

Чтоб весело начать нам трудный путь!

Путята.

Сломать рога гордыне Рогволода!

1-й богатырь.

Добыть Рогнеду!

2-й богатырь.

Полоцк сокрушить!

Вышата.

Во здравие княжое!

Все.

Многи лета!

1-й кривич.

Во всем тебе удача! Мы твои –
Ты наш!

Рога трубят за сценою.

Путята.

Рога поход трубят.

Ударом ноги опрокидываешь пустую бочку.

Добрыня (входит).

Готово, –

По сотням стали воины и ждут
Богатырей.

Богатыри.

В поход! в поход!
Владимир.
Остановитесь!..

Сбирает вокруг себя богатырей. Тишина.

Друзья мои и родичи! Дружина
И земщина! Пред скорым смертным боем
Не стану вашу храбрость распалять
Угодливым ласкательством. От предков
Ведется наш обычай боевой:
Не посрамим же прадедов могилы!
Гей! меч на меч и щит на щит! вперед!
Одно скажу, дружина: с кем вы бьетесь,
Подумайте!.. Я не медведь дубравный,
Чтоб крови человеческой алкать
И лить ее в напрасных войнах. Братья!
Я тяжко Рогволодом оскорблен,
Но, если б за свое лишь униженье
Привел я вас под Полоцк умирать,
Так лучше бы на свет мне не родиться!
Борюсь я не за новые свои
За земские исконные обиды.
Прочь Полоцк! Прочь кровавое гнездо

Заморских ястребов! Долой варягов!
Довольно их разбойничий обычай
Господствовал над русской землей!..
Насильники! При наших кротких дедах
В текущий молоком и медом край
Пришли они чинить порядок.
Где же Порядок тот? Несытые бродяги,
Они для нас, что яростная рысь
У лося на плечах, что пестрый кречет
Над мирной стаей белых лебедей!
Коль деды в годы темной старины
Себя управить сами не умели,
Ужель и нам гнуть шею под ярем?
С тех давних пор за сто годов минуло,
Свет постарел и мы умнее стали!
Управимся и разумом своим
Без коршунов, из-за моря прилетных.
Гей! меч на меч и щит на щит!.. Дружина!
Припомните! Я брата Ярополка
Не пощадил за то, что, как варяг,
Сидел он на столе великокнязем.
Так вам щадить ли полоцких варягов,
Насильников и злостников своих?
Бей не жалея! Ведь нас не пожалеют
Они, коль ненароком победят.
Дарю вам Полоцк. Грабьте, режьте, жгите,
В полон ведите женщин и детей,
Чтоб было чем потешить нам Перуна,
Когда пред ним на Киевском холме

Зажжем мы благодарственные жертвы!
Гей! Меч на меч и щит на щит! Вперед!

Быстро уходит, богатыри следуют за ним с дикими криками.

Занавес

Действие II

Пожарище Полоцкого Детинца. Ночь; луна в тучах; тусклый свет. В глубине, у костра, славянская стража; слева, у обгорелых теремных служб, брошен на голой земле варяжский полон, связанный; справа терем Рогволода, тоже обгорелое и полуразрушенное здание, откуда по временам доносятся песни и хмельные крики; в окнах яркий свет.

Ингульф, Гаральд и пленные варяги.

Гаральд.

Что вы молчите, витязи морей?
Не отмолчаться нам от лютой казни
И призрак смерти скорбью не прогнать.

1-й варяг.

Я проклинать устал. Не внемлят боги

Проклятиям.

Оставил нас Оден.

2-й варяг.

А я молчу затем, что слезы гнева
бессильного давно уже стоят
В глазах моих: заговорю заплачу,
А не пристало воину.

Гаральд.

С зарею
Ждет нас костер и пытка. Трижды счастлив
Покойный Рогволод!

1-й варяг.

Теперь пирует с предками в Валгалле
Дух конунга воинственный... а мы!
В полоне мы и Асам ненавистны!
Угодна мрачной Геле наша смерть,
её пиров добыча наши души.

2-й варяг.

Я сагу о Рагнаре короле
Слышал не раз. Его в змеиной яме
Томил полоном лютый враг. Король
В тюрьме своей, смотря голодной смерти
В костлявое, безглазое лицо,
Оковами тяжелыми сражаясь
С ужами и ехиднами, сложил
Песнь про свои бывалые победы,

Про жалкий свой безвременный конец.
Та песнь жива, и жив Рагнар с ней вместе!
А мы?.. Увы! на памяти людской
Короткая, как в полдень, лягут тени,
И эти тени – наши имена.

Гаральд.

Я песнь сложил бы, но кому ту песню
Я передам? Безмолвная умрет
Она, как мы, с грядущею зарею.

1-й варяг.

Ингульф! никак ты спишь, Ингульф?

Гаральд.

Оставь!
Зачем будить? Он славно поработал
Мечом сегодня; примахались руки,
Могучия устали плечи. Спи,
Ингульф!.. Бедняк! из нас ты всех несчастней.
Два счастья мы теряем: жизнь и славу,
А ты еще вдобавок и любовь!

2-й варяг.

Его в зятя покойный конунг прочил,

Наследовать он Полоцк должен был...

Ингульф.

О-о-о-о!.. Умолкните вы, совы
Зловещие! Что пользы сострадать,
Когда помочь вы мне не в состояньи?
Что пользы сокрушаться, вспоминать
О том, чего и праведные боги
По-новому не в силах переделать?
Усните лучше! Много надо сил
Набраться вам, чтобы расчеты с жизнью
Свершить достойно, глазом не смигнуть,
Когда огонь, служитель алчной смерти,
Багровым оком глянет вам в лицо
И, как лукавый пес, дворовый льстивец,
Лизнет в уста вас красным языком.
Усните! ночи летняя коротки!

Варяги умолкают и мало-помалу, один за другим, засыпают. Ингульф один бодрствует.

Ингульф.

Любовь, престол и слава – три мечты,
Три сновиденья. Думал переполнить
Я вашим отголоском целый мир:
Не та судьба! Я завтра стану пеплом,

Поднимется от пепла черный дым,
И кончено!..
На что-нибудь получше я гожусь
Славянского костра, но жребий смерти
Мне выпряли завистливые Норны.
Они сильнее меня: да будет так!

Взрыв криков и хохота в терем.

Пирует враг, кропит вином и медом
Своих убитых память. На погибель
Варяжскую за кубком кубок пьет.
За браные столы красивых пленниц
Насильно посадил и поцелуи
Срывает с бледных уст. И там позор!..
Она княжна Рогнеда!.. Боги неба!
Молниеносец Тор!..
Я видел: в терем
Вломился враг, – и встретила его
Рогнеда, как Валькирия. На помощь
Я бросился и улицей кровавой
В толпе врагов свой обозначил путь.
Уж близко был я. Но тяжелый камень,
Нежданным гостем, свистнул из пращи –
Без памяти упал я, оглушенный,
К ногам Рогнеды... Если бы у них
И умереть тогда, не оживая
Добычею для пытки и костра
И для стыда безмерного, – увидеть

Ее – княжну, красавицу мою
Владимира¹⁰ поруганной рабыней!
Увидеть и терпеть! Оковы грызть
От бешенства и быть не в состояньи
Отмстить врагу!.. О ты, богиня мести,
Кровавая, с железными зубами!
Зачем ты изменила мне, за что
Покинула?..

Рогнеда, в разорванной белой одежде, появляется на крыльце терема.

Рогнеда.

Кто плачется и стонет
Там в темноте? Не ворон ли морской,
Таинственный посланник вещей ночи,
Пророк кровавых бедствий?.. Смолкни, ворон!
Несчастья кубок полон до краев
Тебе в него ни капли не прибавить!

Ингульф.

Кто бледной тенью встал там над землей?

Рогнеда приближается.

¹⁰ По экз. драм. ценз.: «Насильника».

А! разорвись, мое на части сердце!
Ты!.. ты!.. княжна Рогнеда!

Рогнеда.

Кто?.. Ингульф!

Ингульф.

Остановись! куда бежать ты хочешь?

Рогнеда.

Скрыть мой позор от взгляда твоего!

Ингульф.

Зачем скрывать? я брат твой по несчастью.
Ты видишь стыд мой: я лежу в цепях.
А о твоём и спрашивать не надо!

Рогнеда.

Убей меня, убей своей рукою!
Мне легче будет.

Ингульф.

Рад бы... связан я!

Рогнеда.

О, честь моя погибшая! о, юность,
Увядающая, не ведая расцвета!

Ингульф.

Я связан, ты свободна. Нож возьми,
Сама с собой покончи.

Рогнеда.

Не решаюсь.
Так молода я... страшно мне...

Ингульф.

Дитя!
Страшнее смерти будет жизнь без чести,
Воспоминаний полная кровавых
И без надежд на лучшее...

Рогнеда.

А месть?
Иль ты ее надеждой не считаешь?

Ингульф.

О, женщина! большое слово ты
Промолвила.

Рогнеда.

А дело будет больше.
О, если б видел сердце ты мое!
Полно оно, как туча грозовая,
Палящих молний праведным огнем.
О, пожалей меня! смешались мысли,
И череп лопнуть хочет... Я горю,
Я задыхаюсь!.. льется в этих жилах
Не кровь, но яростное пламя точно
Разрушенного Полоцка пожар
Переселился в грудь мою.

Ингульф *(холодно).*

И Полоцк
Горел с утра, а к вечеру погаснул.

Рогнеда.

Мой пламень не угаснет, – дал ему

Владимир¹¹ слишком много пищи.

Ингульф.

Знаю.

Но мужества достанет ли в тебе
Служить богине мести? Берегись!
Не приступай, своей не взвесив силы,
К железному богини алтарю!
В руках её сверкает меч двуострый,
Преступнику и мстителю равно
Блестящими грозящий лезвиями.
Кто жаждет мести, голову свою
В заклад под эту месть отдай сначала.

Рогнеда.

Готова гибнуть лишь бы отомщенной!
Ингульф! ты воин, ты меня любил,
Так научи меня, что надо делать,
Как месть начать!

Ингульф.

Убей врага изменой,
Убей его в объятиях своих!

¹¹ По экз. драм. ценз.: «Славянский князь уж».

Рогнеда.

Убить!.. теперь?.. Ингульф! должно быть, мало
Несчастен ты, коль мщеньем смерть считаешь.
Смерть счастье.

Ингульф.

Для горемык таких,
Как мы с тобой. Но он ведь победитель.

Рогнеда.

Убить его? О, нет. Ценю дороже
Я мечь свою. Ужели кровь его
Так драгоценна, что лишь ей одною
Я искуплю и голову отца,
И дым костров, зажечься вам готовых,
И трупы честных родичей моих,
На полоцкой защите убиенных?
Так драгоценна, что и честь мою
Из пропасти позора вновь поднимет
Все та же чудодейственная кровь?
Чья кровь!.. о, ад и небо! стыдно молвить!..
Чья кровь! потомка прихоти княжой,
Рабынею рожденного!.. И в черном
её потоки хочешь утопить
Ты ненависть мою? О, нет! всем родом,
Всем княжеством своим он мне заплатить!..

Приди ко мне на помощь, злая ложь!
Лукавое бесстыдство, стань оружием
Для гнева моего! своим щитом
Покрой меня, двуликое притворство!
Владимир¹² хочет ласки – он получит
Неслыханную ласку! Обовьюсь
Я, как змея, вокруг княжеского сердца,
И доступа не будет никому
К душе его. Единственным советом
Ему моя да будет воля! Страсть
Любовная подсказывать решенья
Княжия станет, и незримым ядом
Я в них волю всю ненависть мою
К злодею Полоцка! Своим народом
Любим Владимир, скоро ненавидеть
Его начнут. Варягам лютый враг
Славянский князь, – войдут в почет варяги!

Ингульф.

Мудреное задумала ты дело!

Рогнеда.

Убить его?! Сперва столкну врага
Я со стола княжого. Пусть изгоем
Родной страны влачит он жизнь свою!

¹² По экз. драм. ценз.: «Князь Солнце».

Пускай себя увидит одиноким,
Разбитым, нищим, без друзей, без власти
И без любви! пускай утратит он
В себя, в людей, в богов могучих веру!
Как мы, пускай клянет свою судьбу,
Безумствует и черный образ смерти
Зовет к себе!.. Но смерть к нему придет
Не ласковой Валкирией с приветным,
Валгаллу отражающим, лицом:
Она, как ядовитая гадюка,
В ночи к нему изменой подползет.
В последний час, в гробу одной ногою,
С отчаяньем узнает он, что мне,
Одной лишь мне обязан он паденьем
Звезды своей с небесной высоты.

Ингульф.

Да поборает Тор-молниеносец
И хитрый Локи, разума вожатый,
Тебе в путях твоих. Не знаю я,
Свершишь ли, что задумала, но верю,
Что ненависть твоя непримирима.
Живи во имя прошлого! Костер
Не страшен больше мне: ты наши кости
Не позабудешь в мщениии своем.
Прощай, княжна, и вспоминай порою
Ингульфа... друга, что тебя любил,
Как эти тучи любит буйный ветер,

Как волны моря любят корабли!

Рогнеда.

Ты позабыл, Ингульф, что пред тобою
Не прежняя Рогнеда, но раба
Славянского полона, только имя
Носящая Рогнеды...

Ингульф.

О, княжна!
Что мне до плена твоего? Все та же
Ты для меня, и страсть моя все та же;
И, если бы пред смертью «люблю»
Я услышал из уст твоих прекрасных,
Пошел бы я навстречу синелицей
Во тьме живущей Геле, как на пир,

Занимается заря.

Рогнеда (размышляет).

Ты не умрешь.

Ингульф.

Заря... Готовить скоро

Костер начнут славяне.

Рогнеда.

Поклянись,
Что, если потухающий свет жизни
Тебе я возвращу, поделишь братски
Со мною подвиг мщенья моего.

Ингульф.

Клянусь тебе молниеносным Тором,
Клянусь козлом и молотом его,
Клянусь мечом своим, отца могиллой
И матери седою головой!
Какая бы тебя ни ожидала
Судьба, ее по-братски разделю!
Товарищем и красных дней, и черных,
Как верный пес, пойду я за тобой.
Душа твоя да будет мне душою!
Ты будешь жить, – я буду жить; умрешь, –
И я умру! Ты воля – я орудье.
Ты туча грозовая я твой гром.
Ты мысль, а я послушное ей дело.
Ты голова, а я твоя рука!

Рогнеда.

Благодарю. Свою запомни клятву.

Внимал ей Тор и радовались Асы.

Крики в тереме. На лестнице с шумом и смехом появляются Владимир, Добрыня, Вьшиата, Путята и другие богатыри. Ингульф притворяется спящим.

Быстро светает.

Владимир¹³ сходит с лестницы и удерживает, уже готовую взойти на крыльцо, Рогнеду за руку.

Красавица! а я тебя ищу
По терему: куда, мол, затерялась
Она, мое бурмицкое зерно?
Поди ко мне, Рогнеда!..
Глянь-ка в очи,
В лицо мое... Глубокое клеймо
Напрасной и бессмысленной обиды
На это богатырское чело
Ты белою рукою положила,
За что, про что, не ведая сама.
Ты видишь: нет его уже. Омыто
Оно варяжской кровью, сожжено
На Полоцком пожарищ, несметной
Окуплено добычею, но пуще –
Твоими поцелуями!

Целует Рогнеду. Богатыри смеются.

¹³ По экз. др. пенз. «Князь».

Путяга.

Хмелен
Надежа-князь!

Добрыня.

Гуляй, душа!

Рогнеда.

О, князь!
У нас, варяжских дев, такой обычай:
Жених, невесту сватая, обязан
её расположение заслужить
Широкой славой своего оружия,
Удачей богатырской. В терему
Родительском, девица, я взростала,
Твоих не зная дел: мне про тебя
Не пели скальды. Но пути другие
Есть к сердцу нашему. На славу мы
По слуху одному легко сдаемся,
Так может ли девица устоять,
Когда самой увидеть ей придется
Отвагу богатырскую? Мечом
Мы, женщины варяжские, владеем
Мужчин не хуже; защитит себя
Или убить, бесчестия избегая,
Сумела б я, когда бы захотела...

Добрыня.

Вертит хвостом варяжская лиса!

Рогнеда.

Но... князь! в тот грозный миг, когда в бою
Лицом к лицу ты встретился с мною
И, как стекло, булат мой раздробил,
Ты взял на щит не только это тело
Ничтожное, душа моя в тебе
Властителя признала, сердце робко
Забилось и шепнуло мне: вот он!
Вот муж, кому не жаль отдать свободу,
Пред кем не стыд во прах, благоговая,
Колена непокорные склонить.

Падает к ногам князя.

Казни меня! в твоей могучей воле

Моя судьба.

Я не прошу пощады, –
Твоя обида слишком велика.
Рабам своим заставь меня служить,
На посмеих дай последней сенной девке!
Без ропота приму твой приговор:

Его я заслужила.

Владимир (*поднимает Рогнеду*).

Полно, встань.

Мила мне речь покорная. Светлее

И много краше ждет тебя судьба.

Где ж видано, чтобы властитель многих

Народов и земель переходил

Темны леса, топя в болотах войско,

Лишь для того, чтобы в своем дому

Иметь одной рабыней больше? Много

Их у меня – рабынь, наложниц, хотей, –

Но милой сердцу нет. Уж братъ, так братъ

Тебя женой водимую!.. Княгиня

Отныне ты.

Рогнеда.

Великий князь...

Владимир.

Смотри,

Люби меня, и слушайся и бойся!

Смирение и ласку я люблю.

Обнимает Рогнеду.

А вы, – моя хоробрая дружина,
Богатыри и ближние бояре,
Позволите-ли князю своему
Жену себе по сердцу взять?

Добрыня.

Нам что же!

Вышата.

Совет вам, да любовь!

Путяга.

На многа лета!

Богатыри повторяют за Путягой: Многа лета!.. Варяги просыпаются от их крика и мрачно смотрят на славян.

Владимир.

Вернувшись в Киев, свадьбу пировать
Мы примемся веселую, а ныне.
Ты, дядя, друг и старой родич мой,
Соединишь меня в чету с невестой
И трижды нас вокруг дуба матерого,
По старине, с молитвой обведешь.

(Рогнеде).

Рогнеда, целый Полоцк мне на вено
С собою принесла ты. Отдарить
Тебя я должен.

(Путяте)

Побратим Путята! С богатырей варяжского полона
Вели-ка путы поснимать.

Рогнеда.

Во прах,
Во прах перед тобою!

Хочет упасть к ногам князя. Владимир ее удерживает.

Владимир.

Между ними
Есть родичи твои. Озера крови
И то нас разделяют; переплыть
Их ширину любовь с трудом лишь может.
Зачем же в эти бездны прибавлять
Еще ручьи кровавые?

Освобожденные варяги приближаются и, молча, с угрюмыми лицами, кланяются князю.

Владимир.

Варяги! Свободны вы. На выбор вам даю:
Хотите, – на мою идите службу,
Мне нужны воины; хотите, в Балты
Плывите на узорчатых ладьях
Вниз по Двине-красавице. Решайте.

Молчание.

Гаральд.

Я стар и сед. Меняться поздно мне.
Покойного любил я Рогволода,
Служить его убийце не могу.

1-й варяг.

И я!
Голоса между варягами. И мы, и мы!

Ингульф безмолвствует, с волнением глядя на Рогнеду.

Владимир.

Так путь вам добрый! Держать не станем вас.
А ты, Ингульф,
Что скажешь нам? Не ведаю...

Гаральд.

Ни меч, ни честь Ингульфа
Друзьям своим не могут изменить.

Ингульф.

Я сделаю, что мне княжна прикажет.

Рогнеда.

Он не изменит. Я одна за всех
Изменница...

Гаральд отходит от неё с презрительным движением.

Владимир (с крыльца).

Сбирайтесь в путь, варяги!

Гаральд, во главе освобожденных варягов, медленно удаляется; проходя мимо князя, варяги кланяются; Ингульф идет последним, Рогнеда делает ему знак, – он остановился.

Рогнеда.

Прощай, Ингульф! прощай, мой брат названный!
Ступай к седому морю, отнеси
Ему поклон от полоцкой Рогнеды
И про её причудницу-судьбу
Поразскажи далеким поморянам.
Когда-нибудь, быть может, и опять
Придется нам увидаться. Ты воин
И у богов домашних под крылом
Засиживаться подолгу не любишь.
Попомни, что великий в греки путь,
Любимая варяжская дорога,
Лежит на стольный Киев по Днепру.

Идет на крыльцо.

Ингульф (*кланяется Владимиру*).

Коль на Босфор к Владыке Византии
Надумаю на службу я идти
С мечом своим и невеликой ратью,
Позволь, о князь, тогда напомнить имя
Тебе мое и пропуска просить.

Владимир.

Ты будешь честно принять. Храбрый воин

Всегда желанный гость в моем дому.

Рогнеда.

Не забывай меня, Ингульф! Ты другом
Был Рогволоду и на дочь его
Перенеси останки старой дружбы!
Хотела бы я чувствовать себя
От родины не вовсе отчужденной.
Хотелось бы мне знать, что кто-то есть
В стране заморской, мне одноплеменной,
Кому близка я, бывшая варяжка,
Теперь приемыш русской стороны!

Ингульф.

Ты не забудь, а я не позабуду!
Ведь я умом упрям и сердцем крепок.
Кого люблю, до гроба! с кем вражду
Затею, – никогда не помирюся!
А в чем клянусь, – молниеносец Тор
Скорей сломает свой громовый молот,
Чем я свое нарушу обещање.
Прощай, княгиня! до свиданья, князь!

Уходит за своими товарищами.

Рогнеда.

Прощай! даруй тебе Оден за морем
Друзей, таких же верных, как ты сам!

Ингульф и варяги уходят. Владимир и Рогнеда смотрят в след им с крыльца. Богатыри толются во дворе. Картина.

Занавес.

Действие III

Роща при тереме Рогнеды в селе Гореничах под Киевом.

Добрыня сидит на колоде подо дикою яблонью и плетет лапоть. Входит Путята с луком, колчаном и битою дичью.

Путята.

Здорово, сват!

Добрыня.

Откуда?

Путята.

Посылал

Надежа-князь набить гусей и уток

К вечернему столу.

Добрый я.

Иль у него

На то иных людишек не случилось,

Что беспокоит он богатыря?

Путята.

Гостям почета больше.

Добрыня.

Вот где гости
Сидят мне эти!

Путята.

Да, пора бы им
И ко дворам по добру, по здорову.
Княжая служба мне не тяжела,
Охочь я рыскать с луком и стрелами
По заводям, да было б для кого.

Добрыня.

Как для кого? Княгинюшка похвалить.

Путята.

Она? меня? Ну, нет. Она семь лет
На нас с тобою смотрит исподлобья.
Не будь я князю друг и побратим,
А ты, Добрыня, дядя, – наши очи
Давно бы в чистом поле воронье
По милости княгинюшки клевало.

Добрыня.

Как волка ни корми, он в лес глядит.
Была она варяжкой и осталась.

Путяга.

Да, скаредным охотничьим посылом
Не иначе, как ей обязан я.
Припомнила, как этому бродяге
Ингульфу, гостю милому её,
Я кушаком крутил к лопаткам руки
В детинце Полоцком: вот и казись
За старые грехи! кого обидел,
Тому и поработай.

Добрыня.

Мой племяш
С Рогнедою совсем утратил разум:
На белый свет глядит сквозь бабьи пальцы
И бросил нас, своих богатырей,
На жертву женской прихоти. Кто в честь
Войти сумеет у Рогнеды, князем –
Хорош иль нехорош, забыт не будет.
Рогнеде поклонись, и полезай,
Толкая локтем старших, в красный угол.

Входит Вьшата.

Вышата.

Богатырям поклон.

Добрыня.

Тебе челом.

Вышата.

Доколе же терпеть-то нам, бояре?

Путята.

А что?

Вышата.

Мишату знаешь?

Путята.

Как не знать!
Прятели.

Вышата.

Его казнят.

Путята.

Ты шутишь?

Вышата.

До шуток ли?

Добрыня (*откладывает в сторону лапоть*).

Как так? за что, про что?
рассказывай!

Вышата.

Княгиню разобидел
Наш богатырь. Не по сердцу ему
Пришлись обычаи гостей, варягов:
Что, нам едва ответив на поклон,
Они гурьбою жмутся в красный угол:
Что с князем будто с ровнею своим,
Свободно слишком шутят, а с княгиней
Того еще свободней; что она.
Столь гордая для нас, пред ними гнется,
Как на лугу зеленая трава
Пред ветрами, внучатами Стрибога.
Он обругал варягов, не стерпел.

А за варягов на него княгиня.
Он и княгинь тоже сгоряча
Сказал словцо. Княгиня князю в ноги.
И вот стоит Мишатушка теперь
Среди двора, с ярмом на белой шее,
А перед ним досужий берендей
Натачивает ножик, чтобы горло
Перехватить ему.

Путята.

Тому не быть!
Я упрошу, умилю князя.
Нельзя своими жертвовать варягам
И баб обозлившейся. Добрыня. Ступай!
Авось, тебе помогут боги.

Путята быстро уходит.

Худо, Вышатушка!

Вышата.

Чего уж хуже!

Добрыня.

Князь
Сегодня так расправится с Мишатой,

А завтра и до нас дойдет черед.

Вышата.

В руках богов – и жизнь, и смерть.

Добрыня.

Ну, боги
Богами, а не лишнее и нам
Самим подумать, да поостеречься.
Пора сломить Рогнедину гордыню,
Довольно князь Владимиром¹⁴ владеть
её красе.

Вышата.

Что ж? извести?

Добрыня.

Опасно.
Виновных князь сумеет розыскать
И приласкать по-своему. Рогнедой
Пускай он утешается покуда,
А мы ему тем временем найдем
На смену ей красавицу другую.

¹⁴ По экз. др. цenz.: «Князь Солнышком»

Вышата.

Эх, мало ль у надежи-князя баб?
Не удивишь его! Из целых сотен
Ласкательниц, Рогнеда лишь одна
Смирить сумела нрав его железный
И оседлала князя, что коня,
И села, и поехала... Конь добрый,
А путь-дорога гладкая: скачи,
Куда глаза глядят!

Добрыня.

Мы в этом беге
Ее с размаху выбьем из седла.
За племяшом внимательно слежу я.
Рогнеда величавостью своей
Владимира¹⁵ совсем заохлодила.
А он веселый князь, ему тепла
И света подавай! К нему варяжка
Ласкается змеиной хитрой лаской,
Разлакомит, разнежит, а потом
И шепчет в уши князя лжи лихия,
Опалы вызывает клеветой,
Ломать исконные порядки учить
И хочет Киев наш не то в Царьград,

¹⁵ По экз. др. ценз.: «Князь Солнышко».

Не то в притон варяжский переделать.
Владимиру¹⁶ по-своему пожить,
Без спроса бабьего, давно охота,
Да совестлив некстати он.

Вышата.

На-днях,
В Вышгороде он был у прежней хоти,
Покинутой Мальфриды.

Добрыня.

Навестил
Грекиню тоже, мать Святополка,
Что в Родне полонили мы, когда
С покойным Ярополком воевали.

Вышата.

Да, посмотреть поближе, чуть ли ты
Не прав выходишь, и ковать железо
Нам надобно, покуда горячо.

Добрыня.

Эге! сам князь идет сюда с Путяттой.

¹⁶ По экз. др. ценз.: «Племяннику».

Заспорили!..

Садится и снова, принимается за лапоть. Входят Владимир и Путята.

Владимир.

Путята, ни за что!

Путята.

Помилуй, князь!

Владимир.

Когда стрела Перуна
Ударит в дуб, ему уж не воскреснуть,
А гнев мой – тот же гром.

Путята.

Но ведь Перун
Не наобум, с разбором посылает
На землю пламя молнии своей.
Оно метла, которою из мира
Громовник зло метет, а ты добро
Задумал вымести.

Добрыня.

Не тронь Мишату,
Без разума его ты осудил:
Нет у тебя слуги его вернее.

Ингульф входит и остается в глубине сцены, незамеченный князем и богатырями.

Владимир (Добрыне)

И ты ворчишь?

Добрыня.

Да как же не ворчать,
Коль стали у тебя дешевле репы
Богатырей головушки?

Вышата.

О, князь!
И я прошу: коль согрубил княгине
Мишата, с глаз долой его ушли,
Но не казни.

Добрыня.

Пусть с белоглазой Чудью,
Или с Литвой порубится. Авось
Научится учтивости в изгнание.
Мужик простой Мишата: не привык
Сгибать сегодня спину перед теми,
Кого вчера приказывал ты бить.
Он думает: варяг, так, значит, враг
А с врагом короток разговор:
За ворот, да и о земь! Не домыслил,
Пустая голова, что уж давно
У нас варяг из грязи вышел в князи
И милости твоей дороже стал
Богатырей-дружинников.

Владимир.

Эй, дядя! Шути, да осторожней.

Добрыня.

Я старик,
Из лет учебы вышел. Как умею,
Так говорю.

Владимир.

Тебе охота мною
По-прежнему, по-молодому, править,
Пути мои приказывать.

Добрыня.

Где нам!

Мы на гудках варяжских не горазды,

Ты ж под свирель славянскую не пляшешь.

Владимир.

Есть у меня свой ум. Ты при себе

Советы береги, покуда спросят,

Я из пеленок вышел.

Добрыня.

И в фате Рогнединой запутался.

Владимир.

Добрыня!

Добрыня умолкает, ворча себе в бороду.

Путята.

Что ты кричишь? Дружина правду скажет.

Мы братья по оружию с тобой,

Но, если ты неправдой жить задумал,

Так отпусти заранее меня
Из Киева! Мне новые порядки
Не понутру, а у меня язык
Еще быстрее Мишатина. Пожалуй,
От топора и я недалеко,
А жалко мне головушки удалой.

Добрыня (*с сердцем отбрасывает лапоть*).

И я уйду.

Владимир.

Куда это?

Добрыня.

На свете
Не мало места. Хоть бы и в Царьград.

Путяга.

А то в степи заставой богатырской
Заслоним Русь от диких печенег.

Добрыня.

Живи себе с варягами!

Владимир.

Да, полно!
Безумные вы что ли?

Добрыня.

Нет в уме,
За тем-то и уходим.

Владимир.

Али мало
Вы жалованы мной? аль не дарил
Я вам цветные платья? али чарой
Вас на пирах веселых обносил?

Путяга.

И сыты мы, и пьяны, и одеты,
Но яства дорогия, сладкий мед
И платья византийские не могут
Свободы заменить...

Владимир.

А вы свободу

Даете мне, крамольники?!

Добрыня.

Стыдись!

Кого корить решаешься крамолой?

Я пестун твой и дядя!

Путяга.

Я твой брат!

Вышата.

Я твой слуга от самой колыбели!

Добрыня.

Пойдем, друзья. От ласкового князя

Мы почести дождались по заслугам!

Путяга.

Хоть головы руби, а мы тебе

Не слуги больше!

Владимир.

Стой, Путяга... дядя!..
Опомнитесь!

Путяга.

Прощай, надежа-князь!

Владимир (*усмехнувшись с досадой*).

Упорен я, а вы меня упрямей.
Без богатырства не останусь я,
На ваше место тысячи найдутся
Охотников, да жаль мне вас: привык!
Ин, помиримся. Так и быть, Мишате,
По-вашему прошению, дарю
Обратно буйну голову. Но знайте:
В последний раз потворствую я вам!

Ингульф скрывается за деревьями.

Владимир (*Путяге*).

Ступай, вели освободить Мишату,
Но чтоб сегодня ж был он за Днепром!
Не выедет, пусть на себя пеняет:
Увижу завтра, голову долой!

Уходит в роуц.

Добрыня.

Спасибо и на том!

Путята.

Вот и победа!

Вышата.

Рогнеда не простит нам.

Путята.

А пускай!

Уходит.

Добрыня.

Пойдем и мы с изгнанником проститься
И выпить по расстанному ковшу.

Уходят. Рогнеда и Ингульф выходят из глубины роши.

Рогнеда.

Не верю я, не может быть!

Ингульф.

Однако
Я слышал сам.

Рогнеда.

Мишату он не мог,
Не смел простить...

Входит Владимир.

О, муж мой, князь великий!
Я так ли слышала? живет Мишата
И будет жить?

Владимир.

Преступного Мишату
Я не простил, но заменил ему
Изгнаньем смерть.

Рогнеда.

Так это правда? Боги
Великие!

Ингульф.

Напрасно, добрый князь.
К преступному Мишате снисхожденье
Признание справедливости его
Постыдной лаи.

Рогнеда.

Слышишь ли, Владимир¹⁷,
Что говорить Ингульф? И повторить
Сегодня же весь Киев эти речи.

Владимир.

Рогнеда...

Рогнеда.

Как! пред целою гридьбой
Он выбрал меня, свою княгиню,
Твою супругу, Рогволода дочь,
И ты щадишь язык его бесстыжий?!
Он звал меня распутной чужеземкой,
Волчицей, к пришлым льнущею волкам, –
И ты щадишь!

¹⁷ По экз. драм. ценз.: «Князь Солнце».

Владимир.

Довольно для него
Изгнания.

Рогнеда.

Но разве наказание
Изгнание Мишате? Честь и милость!
Какой не рвется в степи богатырь
Пополевать и плечи порасправить
С кочевниками дикими в боях?
Богатыри другие бьют годами
Тебе поклоны: только отпусти
Их погулять хоть месяц по пустыне!
А ты Мишату в степи посылаешь!
Сумел ты грозным быть!

Владимир.

Нельзя казнить Богатырей.
И то ворчит дружина,
Что воли нет ей...

Рогнеда.

Оскорблять меня?
Я знаю хорошо: они бы рады

Меня в муку стереть. И мною ты
Им жертвуешь, Владимир! Если чести
Моей не жаль, так пожалей свою.
Ведь ты и я одно, ведь я считаюсь
Женой твоей, я мать твоих детей!
За что на смех твоим богатырям
Меня ты выдал, бедную?

Владимир.

Довольно.
Не расточай напрасные слова.
Однажды изменить свое решенье
Я мог еще, но каждый миг менять, —
То казнь прощеньем, то прощенье казнию
Ни князя, ни мужчины не достойно.
Мне жаль, что я Мишату пощадил,
Но я дал слово, это слово твердо.
Оно не струг днепровский, я не руль,
Чтобы верить его по произволу:
То под рукой Добрыни и Путяты,
То под твоею.

Рогнеда.

А... так вот кому
Позором я обязана?

Владимир.

Ты слишком
Разгневалась. Поди и успокойся.
И рад бы угодить, да не могу.
Так не сердись на мужа на прощаньи
Я приказал коней седлать.

Рогнеда.

Ты едешь?
Куда?

Владимир.

Не бойся не в далекий путь,

Не надолго.

Пора мне мать проведать,
Давно старуха ждет...

Рогнеда.

Но на дворе
Уж сумерки...

Владимир.

Мне путь осветит месяц.
На завтра я к обеду возвращусь.
Прощай, Ингульф!.. А ты, душа Рогнеда,
Досаду разгуляй свою и завтра
Повеселее мужа привечай.

Уходит. Ингульф, который в течение последней сцены держался поодаль в глубине, наблюдает за Рогнедой издали.

Рогнеда (*задумчиво смотрити вслед Владимиру*).

Что это значить? В третий раз к Малуше
Он едет в этом месяце.

Ингульф.

Княгиня!
С Малушей ты в ладу живешь ли?

Рогнеда.

Нет.
Когда же у славян свекровь с невесткой
Живут в ладу? Она мой злейший враг.

Ингульф.

И князя ты к старухе отпускаешь?

Рогнеда.

Не мальчик князь, свою имеет волю.
И как я смею сыну запретить
С родной видаться матерью?

Ингульф.

Над ним
Имеешь ты немного власти.

Рогнеда.

Кто же
Сильней меня?

Ингульф.

Да хоть бы тот, кто мог
Из лап у смерти выхватить Мишату.

Рогнеда.

Добрыня?

Ингульф.

Не один он. За спиной
Его стоит славянская дружина.
Колокола слыхала ты? Так вот
Такой же колокол – дружина князя,
А дядюшка Добрыня в нем язык:
Ударит он, и зареветь дружина
И князя оглушит, перепугает
И с толка зычным голосом собьет.

Рогнеда.

Они меня, как язву, ненавидят...
Пусть ненавидят, только бы боялись!

Ингульф.

Ты видишь: не бояться.

Рогнеда.

Странно мне!
Недоброе творится что-то с князем...
То он в гостях, то судьбищами занят,
То на охоту едет он, отказом
На просьбу мне ответил; между тем
По-прежнему ко мне и добр, и ласков.
Тут козни есть какие-то, но кто
Построил их? откуда дует ветер?
Мне не понять и не придумать!

Темнеет.

Ингульф.

Да?

А дело дня весеннего яснее.

Наскучила ты князю. Ищет он

Другой себе забавы.

Рогнеда.

Полно бредить!

Не променять ему ни на кого

Меня, мечом не дешево добытой

В честном бою.

Ингульф.

Ты странно говоришь!

Другой, не я, подумал бы, пожалуй,

Что ты своей судьбой довольна.....

Рогнеда.

Я?!

Ингульф.

Что ты спала и видела в девицах
Женою быть Владимира¹⁸.

Рогнеда.

Ингульф!

Ингульф.

Что Полоцк свой и старца Рогволода
Растоптанный насилием венец
Ты принесла приданым в честном браке
Любимому супругу своему;
Что ты забыла клятву правой мести
Великим нашим данную богам...
Да ты богов-то помнишь ли?

Всходит месяц. Светает.

Рогнеда.

Кто право
Дал говорить тебе со мной так дерзко?

Ингульф.

¹⁸ По экз. др. ценз.: «Быть киевской княгиней».

Любовь моя, во-первых; во-вторых,
Тобою неисполненная клятва,
В которой я товарищ и участник.
Ты долга незаплаченного гнет
Легко выносишь, думать позабыла
О тягости его, а мне горой
Он каменной на плечи навалился.
На Полоцком разгроме ты в меня
Могучий дух вселила – дух жестокий,
Бездействию враждебный, неустанно
Живого дела ищущий. Не слов,
Не замыслов он требует, а жертвы.
Довольно языком и головой
Трудились мы, – пора руками работать!

Рогнеда.

К чему спешить?

Ингульф.

А ждать чего нам?
Время Святуго мечь, как вызревшую рожь,
Пожать с давно посеянного поля.
Не для того из Норики далекой
Пришел Ингульф, чтобы справлять пиры,
Соловешек-баянов слушать песни
И князю льстить!

Рогнеда.

Вернее лести нет
Оружия...

Ингульф.

Тупится слишком скоро

Оружье это.

Ты сама, княгиня,
Тому примером. Верь или не верь,
Но князь совсем от рук твоих отбился,
И быть тебе в опале неминучей –
Забытою, отвергнутой женой.

Рогнеда.

Опять о том же речи ты заводишь!
Что выведал? что знаешь? говори!

Ингульф.

Богатырей спроси, каких красавиц
Надежа-князь ласкает у Малуши?

Рогнеда.

Что?!

Ингульф.

Расспроси княжих богатырей.

Рогнеда.

Стой!. Слышала и поняла...

Молчание.

Не верю!..

Не может быть! не может быть! ты лжешь!

Ингульф.

Не забывайся, женщина!

Рогнеда.

Клевещешь!

Обманщик ты, Ингульф!

Ингульф.

Еще впервые

Такое слово слуха моего
Коснулось безнаказанно!

Рогнеда.

Куда
Глаза мои глядели? Эти уши
Что слушали?.. Прости меня, Ингульф!
Себя не помня, молвила тебе я
Нечаянные дерзкия слова.

Забудь о них.

Твою я правду знаю.
Но, может быть, ты сам обманут?

Ингульф.

Нет
Я сведения точные имею
И, если мало сказанного мной,
Еще прибавлю. Ведомо ль тебе,
Что снова князь своих старинных хотей
Стал навещать?

Рогнеда *(в отчаянии падает на колоду под яблоню, ломая себе руки. Яркий лунный свет).*

Семь лет, семь лет, семь лет
Стыда такого не было!..

Ингульф.

С грекиней,
Покойного супругой Ярополка,
Проводит он свободные часы
Во множестве, в задумчивых беседах
О странных тайнах византийской веры
В распятого евреями раба...

Рогнеда.

О глупая! надменная! слепая!
И я не знала ничего!

Ингульф.

В себя
Ты слишком много верила.

Рогнеда.

И разом
Ты эту веру умертвил во мне!
Семь лет!.. Семь лет!..

Ингульф.

С любовью княжой
Ты ничего не потеряла.

Рогнеда (*горько смеется*).

Будто?
Ты думаешь? Ха-ха-ха-ха!

Ингульф.

Опомнись!

Рогнеда.

Что помнить мне?
Ты клялся, ты мне братъ
И друг... нужна мне помощь: выручай же!
Что предпринять, что делать, говори!
Я растерялась, спутаны все мысли...
Семь лет... семь лет!

Ингульф.

Послушай, у меня
С собой в ладьях сто воинов, да следом
Ведет Гаральд лесами, по Днепру

Еще другую сотню потаенно
От глаза человеческого. На завтра
Змея варяжской рати проползет
В Гореничи – и мщение свершится.

Рогнеда (*встает с места, испуганная*).

Так скоро?!

Ингульф.

Я с храбрейшими в ночи
Ударю на Владимира¹⁹ дружину:
За ужином покрепче подноси
Меды им завтра... Но убит всех прежде
Князь должен быть.

Рогнеда.

Ах!..

Ингульф.

Лишь только удалось бы уничтожить
Нам пастуха, а стадо разбежится.
Мы Изяслава, сына твоего,
Объявим князем.

¹⁹ По экз. др. ценз. «Славянскую».

Рогнеда.

Малого младенца?
Шесть лет ему...

Ингульф.

Опекою твоей
Он крепок будет.

Рогнеда.

А народ что скажет?

Ингульф.

Что? Промолчит.
Народ у вас глупец, –
Его удел благоговеть пред силой,
Удаче покоряться.

Рогнеда.

Страшно мне!

Ингульф.

К твоим устам нейдет такое слово.

Рогнеда.

Кому же ты поручишь совершить
Убийство... о, какое слово!..

Ингульф.

Кто же
Достойнее тебя подобной чести?

Рогнеда.

Я?.. я должна?

Ингульф.

А почему бы нет?
Он завтра у тебя ночует. Трудно ль
Покончить сонного?

Рогнеда.

Я не хочу!
Я не могу поднять руки на мужа,
Отца моих детей!

Ингульф.

Я так и знал!
Где ж стыд, где гордость у тебя, Рогнеда?
Тебя зовет священный долг, а ты
Робеешь пред насильником и цепи
Невольничьи супружеством зовешь!
Семь лет туманный призрак Рогволода
По полоцким развалинам блуждает
И мести ждет... О, дай ему уснуть
Спокойно под лесным его курганом!

Рогнеда *(задумчиво).*

Ах, как давно все это было...

Ингульф.

Это
Весь твой ответ?

Рогнеда *(решительно).*

Я не могу, не смею... Я не хочу!

Ингульф *(с силой схватил ее за руку).*

Взгляни в мои глаза!

Рогнеда.

Оставь меня!

Ингульф.

Взгляни!

Рогнеда.

Оставь!

Ингульф.

Ты любишь
Его, несчастная!

Рогнеда.

Нет, нет!

Ингульф.

Не обмануть тебе меня! Я начал
Давно подозревать тебя.

Рогнеда.

Неправда!
Верна я клятве...

Ингульф.

Так сверши ее.

Рогнеда.

О!..

Ингульф.

Замолчала ты?

Рогнеда.

В какую пропасть
Ты увлекла меня, святая месть!?

Ингульф.

Да! Мечь свята настолько же, насколько
Грешна любовь бесчестная твоя!

Рогнеда.

Любовь?! Ингульф! Ингульф!

Ингульф.

Не отрицай!
Тебя люблю я... Любящие зорки,
К несчастью! Измученное сердце
Подсказывает правду их глазам.

Рогнеда.

Ты вырвать у меня признание хочешь
Насильем?

Ингульф.

Твой вопрос само признание!

Рогнеда.

Слова твои мне пытка.

Ингульф.

А мои
Сомнения тяжелее всякой пытки.

Опускается на скамью. Молчание.

Рогнеда.

Да будет же по-твоему, упрямый
И грубый человек. Да, я люблю.

Ингульф.

О, духи вечной ночи!

Рогнеда.

Злобы семя
Усердно я в душе своей растила.

Ингульф (*злбно смеется*).

Ха-ха-ха-ха! А выросла любовь?
Когда засеет поле земледелец
Пшеницею, то урожая ждет
Пшеницей же.

Рогнеда.

Но кто же помешать
Тому сумеет, чтобы в желтом пол
Колосья не обвила повилика.
Не рос лиловый куколь, василек

Звездою синей не сиял? Не люди,
Но боги сеют их!..

Ингульф.

Лжешь! Злые духи!

Рогнеда.

Пусть будет так. Мне; все равно, откуда
Взялась моя любовь, но есть она,
И нет над нею власти.

Ингульф.

Злое семя
Из сердца с корнем вон!

Рогнеда.

Тогда все сердце
Придется вырвать.

Ингульф.

Любишь ты его!
Зачем же я здесь? Я? Глупец! Я думал,
Что, мученица долга, слезы льешь

На лож ты насильничьем, что давит
Тебя, как цепь, обязанность притворства!
И полетел к тебе я, как орел
На выручку пойманной орлицы,
И вот кого нашел!.. Передо мной
Господской лаской сытая рабыня,
Наложница, счастливая позором!
И ты Рогнеда?

Рогнеда.

Я была Рогнеда.
Зовусь я Гориславою теперь.
Жена и мать, люблю отца и мужа.
Двух сыновей вскормила я ему
Своею грудью, а они, быть может,
Платя мне за рождение свое,
За материнский труд, за дни и ночи
Заботы неусыпной, напитали
Любовью сердце гордое мое.
Притворство правдой стало. Все смешалось
В душе моей и ненависти старой
Заветный долг, и новая любовь.
Ингульф! Ингульф! я молода... а разве
Любви не стоит он, мой богатырь,
Мой князь?.. О, не кляни!
Не подобрать тебе таких проклятий,
Какими я сама себя казнила,
Когда чад страсти проходил, когда,

В просонках пробужденного сознания,
Являлся мне отец мой, Рогволод,
В разрубленной кольчуге, с гневным взором,
Сурово мне грозящим...

Ингульф.

Конунг мой!..

Рогнеда.

Да! он грозил мне... мертвою рукою
Указывал на сотни привидений,
Летающие за ним, с протяжным воем:
Отмсти!.. Отмсти!..

С ужасом отходить от Ингульфа.

Такие же, как ты!
В глазах одно и то же выраженье,
Одни и те ж проклятья на устах.
Что ты пришел? что грозным судиею
Передо мной стоишь теперь?.. Уйди!
Ты долго ехал: стал живой Владимир
Милее мертвых мне за это время.
Убить его – себя убить!

Ингульф.

Когда
Не хочешь ты отмстить за Рогволода,
За самое себя отмсти, а боги!
В одно сведут с Владимиром²⁰ твой счет.

Рогнеда.

Смотри, как слабы, нежны эти руки...
Чего от них ты хочешь!

Ингульф.

Мало ль зла
Творится в мире нежными руками.

Рогнеда.

О, верный мой Ингульф! не надо крови!
Оставим Киев! Ты меня умчишь
В ладье своей под небеса другие,
Родимые и дружеские нам,
И страсть моя в разлуке истребится,
И жизнь, быть может, улыбнется нам
По-новому...

Ингульф (*Холодно*).

²⁰ По экз. др. пенз.: «Обидчиком».

Куда ж умчать прикажешь
Тебя, моя красавица? Туда ли,
Где скальды бородатые, бродя
Из веси в весь, поют под звуки арфы
Про честную погибель Рогволода
И про измену дочери его?
Ты проклята на родине.

Рогнеда.

За морем
Не мало стран счастливых...

Ингульф.

Как тебя,
Клятвопреступницу, на борт возьму я?
Потопить нас неистовая Рана,
Тор молотом корабль мой разобьет!
Наложница Владимира²¹ не стойте,
Чтоб жертвовал собой варяжский викинг
С дружиной богатырскою.

Рогнеда.

Увы!
И людям я, и небу ненавистна,

²¹ По экз. др. цenz.: «Презренная наложница».

И духи зла смеются надо мной...

Ингульф. (*Снимает с пояса кинжал*).

Вот нож, возьми!

Рогнеда.

Он руки жжет...

Ингульф.

Возьми!

Тебе он завтра ночью пригодится.

Рогнеда (*прячет нож*).

Возьму, но ничего не обещаю. Запомни это!

Ингульф.

Время есть еще

До ночи завтрашней тебе обдумать.

Убей!.. и нож мой, кровью освященный,

Брось из окна. Мне будет это знаком

К восстанию. Всю ночь я буду ждать...

Теперь прости! Мне тяжела беседа.

Печальные признания твои

Упали мне на душу, будто молот
На наковальню звонкую, и глухо
Гудит под их ударами она!

(Быстро уходит).

Рогнеда.

Учите ж вы меня, святые боги!
Путем, желанным вашей мощной вол,
Мою ведите руку, мысль мою
В угодный вам поступок воплотите!
Мои дела сомнительны и трудны,
Мой разум темен, страсть моя сильна.
На злобные загадки хитрой жизни
Не в силах я ответить!.. Пусть несет
Меня судьба, как мчат Днепра стремнины
Покинутую кормщицом ладью.

(Уходит).

Занавес.

Действие IV

Терем Рогнеды. Опочивальня. Поздняя ночь. Лунный свет. Владимир спит на ложе, за пологом. Рогнеда стоит у полога, прислушиваясь.

Рогнеда.

Уснул...

Ингульф. *(Поет за окном).*

Звенел мой меч в чужой стороне,
Никто не мог противиться мне,
Я князем был на трех кораблях,
Теперь я раб в плену и цепях...

Рогнеде.

Условный знак... Смелей, Рогнеда!

(Отбрасывает полог).

Ты весело уснул, могучий князь,
Вином и женской лаской упоенный;
Не чуял ты, что над тобой беда
Трепещущие крылья распустила.

(Вьнимает нож).

Владимир.

Где ты, любя...

Рогнеда?

Рогнеда *(отступая).*

Люба!

Владимир *(во сне).*

Поцелуй меня...

Рогнеда.

Рука дрожит, слабеет воля...

Владимир *(тише).*

Люба...

Ингульф *(поет).*

Мой щит разбить и меч пополам,
Корабль морским игрушка валам,
А я, забыт в подземной тюрьме,

Живу, как гад, в грязи и во тьме!

Рогнеда.

Две птицы
Поют мне песни. Черная одна,
Другая – белая. Одна о мести,
Другая о любви. Кого же слушать?
Какая песня Локи внушена,
Какая светлым Бальдером?.. О, боги!
Когда сомненье допустили вы
И в этот миг решительный, то, верно,
Вам неужодна жертвы этой кровь.

(Смотрит на Владимира).

Как он хорош! Убить его? Из тела
Прекрасного ножом исторгнуть душу
Жемчужную, и жить потом самой,
И называть своими малых деток,
Сынов его?.. Какое детям дело
До Рогволода? Он безвестен им!
Удел их мать свою возненавидеть,
Как ненавидеть я тебя должна,
Хороший мой, желанный мой! Что – если
Любовь и долг возможно примирить?
Тень Рогволода ждет кровавой жертвы
Я замену Владимира. Мне жизнь
Недорога и вовсе бесполезна.

Не мало женщин в северных краях
Кончает жизнь на жертвенниках грозных,
Подземным посвященных божествам,
А я отдам себя суровой тени
Родителя...

Вновь берется за нож и пристально смотрит на него.

О!.. холодно в могиле!

Приближается к Владимиру.

А ты?.. ты жить останешься, купаться,
Как пташка в небе, в свете и тепле?
Ты будешь видеть солнце золотое,
Дышать весной; полюбишь, может быть...
Другой отдать тебя? Чужим устам
Отдать уста твои для поцелуев?
Знать, что одной недели не пройдет
От похорон моих, а эти плечи
Другие руки женские обнимут,
Другая грудь прильнет к твоей груди?
К прошедшему мне ревности довольно!
Я не хочу в сомненьях умирать,
К грядущему мучительно ревную!
Нет, никому тебя не уступлю,
С собою уведу тебя! За гробом
Ты будешь мне супругом, как живой!
Сперва тебя, потом себя... мгновенно...

Чтобы моя душа явилась рядом
С твоей душой на правый суд богов!

Владимир (*бредит во сне, Рогнеда быстро отходить в глубину терема*).

Товарищи! на слом!.. громи в тараны!..
Гей! меч на меч и щит на щит! вперед!..

Рогнеда.

И я скажу: вперед! Напомнил кстати
Ты прошлое своим бессвязным бредом!

(*С поднятым ножом*).

О Рогволод! ты, в тишине ночной
Блуждающая тень! приди! две жертвы
Тебе покажет месяц!..

(*Замахивается на Владимира*).

Не могу!..

Опускает руку с ножом и стоит во нерешительности. Потом, собравшись с духом, вторично заносит нож. Владимир внезапно пробудившись, приподнимается на ложе.

Ах!..

Владимир схватил Рогнеду за руку, она роняет нож.

Владимир.

Это что... с ножом? моя Рогнеда!..

Ингульф. *(поет),*

Но тверд мой дух, мне цепи смешны!

Я сплю и вижу дивные сны:

Я слышу, море бьет о скалы,

Я вижу, в небе реют орлы...

Владимир тащит Рогнеду к свету и бросает на пол.

Владимир.

Глазам не верю!.. ты меня убить

Хотела?...

Рогнеда *(лежа у ног его, после долгого молчания, холодно).*

Да.

Владимир.

Как будто сон волшебный?
Я на яву ли, полно?

Рогнеда.

На яву.

Владимир.

Так вот твоя любовь!

Рогнеда (*встает*).

Любовь меня и сделала убийцей!

Владимир.

Неслыханно!

Рогнеда.

Ты разлюбил меня,
А мне тебя милее видеть мертвым,
Чем не своим.

Владимир (*смутясь*).

Откуда ты взяла
Такую мысль, безумная?

Рогнеда.

Мне тени
Ее в ночи прошедшей нашептали.

Владимир.

Какие тени?

Рогнеда.

Старый Рогволод,
Родитель мой, и мужи полочане,
Убитые тобой...

Владимир.

Семь лет прошло,
Семь лет молчала ты. Теперь охота
Пришла из гроба мертвых вызывать?

Рогнеда.

Я не звала; они явились сами
И говорили: нас тебе не жаль,

Ты за погибель нашу не отмстила
И нашему убийце отдалась
Так мсти за самое себя! забвеньё
Святого долга боги покарали:
Тобой наскучил муж... Ах, эту правду,
Владимир²², ты не можешь отрицать!

Владимир.

Ты у детей отца отнять решилась
И князя у Руси?

Рогнеда.

Какое мне,
Варяжке, дело до Руси? А дети
Не одного отца теряли: мать
Они с тобой бы вместе схоронили...
Теперь одну меня схоронят...

Владимир.

Да, –
Велик твой грех и не минует казни.

Рогнеда.

Я жду её. Отныне ты не можешь
Любить меня, а без любви твоей,
На что мне жизнь?

Владимир.

Иди! наряд венчальный
Одень и жди меня. К твоей красе
Палач рукою наглою не коснется:
Я сам тебя казню.

Рогнеда.

Благодарю.

(Уходит).

Владимир.

Бывают сны, но это пробужденье
Тяжелее всяких снов...Прочь этот нож!
В окно его!

Выбрасывает нож во окно. Взрыв воинственных криков.

Ингульф.

Оден! Оден!

Владимир.

Что это?

Слышна сеча. Лунный свет сменяется заревом. Путята вбегает, с зажженной сосновой веткой в одной руке и с булавой в другой.

Путята.

Князь! князь! беда! сошли с ума варяги!
На терем твой, с мечами на-голо,
Валом валят, секут твою дружину.
Всех впереди Ингульф. Да я его
Угомонил, разбойника!

Владимир (*срывает меч со ставца*).

Измена!

Путята.

Куда ты без шелома и кольчуги?!

Владимир.

Двум не бывать смертям, а от одной
Я только-что ушел. Вперед, Путята!

Бросается к дверям, но навстречу ему входят Добрыня и Вышата с богатырями. Звуки тише. Зарево меркнет. Начинает светать.

Добрыня (*влагая меч в ножны*).

Зачем вперед? Все кончено. Варяги
Кто перебиты, кто бежали в лес.
Мы поутру облаву им устроим,
Что кабанам...

В дверях появляется – тяжело раненый – Ингульф.

А вот и зверь бежит
Сам на ловца!

Владимир.

Ингульф!

Путята.

Так ты не умер?
Ну, и здоров же ты! Моя рука
Болит еще доселе от удара,
Которым я попотчевал тебя!

Ингульф (*Владимиру*).

Ты жив!.. Судьба с тобою в заговор,
А больше бабья глупость, бабья трусость
И подлость сердца женского! Ты жив,
А умираю я! О, справедливость!
Знать, далеко от мира ты живешь!

Владимир.

Варяг, варяг! тебя зовут Ингульфом,
Ты знаменитый пенитель морей,
Ты жизнью был однажды мне обязан,
Ты гость мой. Как же мог ты на меня
Поднять свое оружие?

Ингульф.

Где Рогнеда?

Владимир.

Рогнеда!?

Ингульф.

Князь Владимир!²³ на упреки

²³ По экз. др. пенз.: «Князь Славянский».

Я отвечать не стану. Не затем
Теперь сюда приполз я, полумертвый.
бесчестно ли напал я на тебя,
Моих убийцу братьев, или честью
К тому обязан был, – рассудит Тор,
С кем пировать в сияющей Валгалле
Я полечу на черных крыльях смерти.
Князь! где твоя? В последний час
Дай мне проклясть изменницу!

Владимир.

Рогнеду!?

Ингульф.

Она дала мне ложный знак восстанья,
Она в окно мне выбросила нож,
Что мною был на смерть твою отточен.

Ропот между богатырями.

Владимир.

Меня спасло невидимое чудо,
К какому не способен наш Перун!
Узнайте все: немногие мгновенья
Тому назад, Рогнеда покушалась

На жизнь мою.

Вышата.

Княгиня!

Добрыня.

Хороша!

Путьга.

Ах, ты змея варяжская!

Ропот между богатырями.

Владимир.

Я выбил

Нож из руки её. Мне стало гнусно

Оружие убийства потайного. Ингульф!

Я сам в окно булат твой бросил,

Сам подал знак тебе...

Ингульф.

Великий Тор!

Благодарю! Ты возвратил мне право

Рогнеду уважать: так тяжело было
Любить и презирать. Теперь умру
Спокойно я, с душою примиренной...

Склоняется на руки богатырей. Его уводят в глубину сцены и сажают на скамью, где он и остается, в забытьи.

Владимир.

Что делать мне с Рогнедою, бояре?

Добрыня.

Твоя жена, что хочешь, то твори.

Вышата.

В семейные дела твоей дружине
Мешаться грех.

Путяга.

Что порешишь, то ладно.

На сцене совсем светло.

Владимир.

Так пропади ж, изменница!

Идет с обнаженным мечем к дверям боковым. Рогнеда выступает навстречу ему в пышном наряде, опираясь на Изяслава.

Владимир (*опуская меч*).

Мой сын!

Зачем ты здесь?

Рогнеда.

Чтоб смерть мою увидеть.

Владимир.

Не чаял я...

Рогнеда.

Не бойся, порази,

Но на глазах его! Пускай запомнить

Мой Изяслав, что ты меня казнил,

Как помню я убийство Рогволода,

И отомстить когда-нибудь тебе,

Как я сегодня отомстить пыталась.

Владимир (*задумчиво*).

Все месть, да месть... Нет, жутко, тяжело!
Булатный меч сам из руки валится.

Бросает меч.

Пуškai другие судят нас с тобою:
Я не могу... Дружина! как истец,
Вам кланяюсь! на вашу честь и правду
Надеюсь, отдаю на вашу волю
Рогнеду и себя.

*Кланяется и садится к столу. Рогнеда с Изяславом са-
дятся на ложе. Молчание.*

Добрыня (*выступает вперед*).

Великий князь!
Ты ведаешь, что мы с твоей княгиней
Не из друзей, что всяческое зло
Друг другу мы усердно измышляли
Семь полных лет, – и все же я скажу:
Нельзя ее казнить!

Путята.

Что правда правда!

Добрыня.

Взята она убийством и грозой,
Оставлена без племени и рода, –
С чего бы ей добра тебе желать?
Однако, ты смирил ее. Ведь бабий
Короток ум, а память что вода:
Следа не держит долгого. Рогнеда
Тебя ласкала, сына родила,
Потом другого, к детям привязалась,
Да и тебя, отца их, полюбила.
А ты на запоздалую любовь
Ответил ей остудой, да изменой!

Владимир.

Не сам ли ты смущал меня, Добрыня?

Добрыня.

Что делает Добрыня, перечтешь,
Когда судить Добрыню будешь: так-то,
Надежа-князь! Теперь Рогнеду судим, –
О ней и будет речь. Что говорить!
Не без вины я, точно, в этом деле,
Досадовал, что ты свою дружину
На женину указку променял, –
Вот и смущал! А ты не поддавался б,

Когда любил!

Владимир.

Эх, дядя!

Путята.

Даже пес
И тот кусаться станет, коль из пасти
Кусок последний вырвешь у него.
А женщина, хоть прока в ней немного,
Все ж не собака, человек. Одно,
Хорошего что было у Рогнеды,
Любовь свою похитил ты. Казнись
За это сам.

Добрыня.

Когда бы не остуда,
Не подняла бы на тебя ножа
Она, не то, что ради Рогволода,
А хоть Оден ей с неба прикажи!

Вышата.

А я скажу: остуда-то остудой,
Но, будь ты вовсе чистым пред женой,
И то простить советую. Имеет

Дочь право мести за отца.

Богатыри.

Прости,
Прости ее, надежа-князь.

Владимир *(встает с поклоном).*

Покорен
Я вашему решению. Рогнеда!
Свободна ты.

Рогнеда.

Но не жена твоя?

Владимир.

Я видел нож в руке твоей, ты знаешь

Мою остуду.

Сгнуло доверье,
Любовью нас дарившее. Прости!
Даю тебе родной твой город Полоцк:
Да будет он уделом твоему
Спасителю, сынишке Изяславу...

Когда б не он, мой первый строгий суд
Свершился бы... будь благодарна сыну!

Рогнеда (*кланяется богатырям*).

Спасибо вам за милостивый суд,
Дружина богатырская! Не радость
Мне жить, да и не радость умирать
Опальною женой. Другая станет
Княгиней вашей... Кто же защитит
Моих детей от мачехи ревнивой?

(*Обнимает Изяслава*).

Пойдем, мой сын, мой Изяслав, в леса
Родимые мои, к Двине широкой!
Я сберегу твой княжеский удел
От врагов, навстречу нам грядущих,
И вырастешь ты грозен и велик,
Как грозен был твой дед неотомщенный.

Владимир (*растроганный, мягко*).

Княгиня...

Рогнеда.

Нет, княгиня умерла
И вместе с ней угасла жрица мщенья

И грешная любовница твоя,
Мой добрый князь. Несчастливая Рогнеда
Отныне! только мать!.. Прости!..

Низко кланяются, друг другу. Рогнеда, опираясь на Изяслава, медленно удаляется. Богатыри расступаются перед ними с почтительными поклонами. Ингульф встает со скамьи, делает несколько неверных шагов к Рогнеде, но, потеряв силы, падает к её ногам.

Рогнеда.

Ингульф!

Ингульф.

У ног... у ног твоих последний
Мой вздох хочу Одну передать...
Прости!.. всю жизнь любил...

(Забывается).

В глазах темнеет... Туман... У ног твоих...

(В бреду).

А! вот она!
Валькирия, свершительница смерти!
Смеется... как похожа на тебя!..

Лети! готовь мне место на Валгалле
Близ Рогволода! Я иду... иду...

Опираясь на руку Рогнеды, поднимается во весь рост и обводит окружающих грозным взором.

Рабы! почтите викинга!

Падает.

Рогнеда. *(Склоняется над трупом).*

Ингульф!

Занавес.

1886–1891.

Отравленная совесть

Драма в 4-х действиях

К представлению дозволена. Петербург, 31 июля, 1897 г. № 0915 (в первой редакции) и 27 октября того же года во второй редакции, печатаемой в настоящем втором издании пьесы. Написана в 1891-96 годах. Впервые поставлена на сцену в Москве в театре Корша (по первой редакции) и 8-го января 1898 года в Петербурге в Малом театре Литературно-Артистического Кружка, по второй редакции.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Гликерии Николаевне Федотовой

Действующие лица.

Степан Ильич Верховский, директор банка, 56 лет.

Людмила Александровна, его жена, 36 лет.

Митя, 17 лет.

Лида, 16 лет.

Яков Иосифович Ратисов, действительный статский советник, не служит, 48 лет.

Олимпиада Алексеевна, его жена, 39 лет; по первому браку, мачеха Людмилы Александровны.

Андрей Яковлевич Ревизанов, 44 лет.

Петр Дмитриевич Синев, судебный следователь, даль-

ний родственник Верховских, лет под 30.

Аркадий Николаевич Сердецкий, литератор, 48 лет.

Леони, наездница.

Горничная.

Человек в гостинице.

Действие в Москве, в восьмидесятых годах²⁴.

²⁴ Первые исполнители ролей: в Москве у Корша – г-жи Азагарова (Людмила), Шаровьева (Олимпиада), Луаре (Леони); гг. Вязовский (Верховский), Светлов (Ревизанов), Яковлев (Сердецкий), Константинов (Синев), Смодяков (Митя). В Петербурге – в том же порядке ролей – г-жи Яворская, Некрасова-Колчинская. Адашева; гг. Троицкий, Бравич, Михайлов, Тинский, Орленев.

Действие I

Гостиная в доме Верховских. Богатая обстановка.

Людмила Александровна одна перед зеркалом. Входит

Олимпиада Алексеевна Ратисова.

Олимпиада Алексеевна. Скажите пожалуйста! Любуется!

Людмила Александровна. Липочка!

Олимпиада Алексеевна. Здорова? что дети? Степан Ильич? Впрочем, по лицу вижу, что все благополучно. Ведь ты, когда в дом не ладно, сама на себя не похожа. А сегодня совсем в аккурате и даже перед зеркалом вертишься.

Людмила Александровна. Начались милые выражения.

Олимпиада Алексеевна. А ты ко мне снисходи. Не всем же быть сшитыми по твоей кройке. Ты у нас одна в империи. Мой супруг, – на что дурак! – и тот говорит о тебе не иначе, как самым высоким штилем. Я советую тебе за него замуж пойти, если с ним разведусь, а твой Степан Ильич, сохрани Бог...

Людмила Александровна. Липа, не болтай вздора.

Олимпиада Алексеевна. Не могу, это выше сил моих. Как вышла из института, распустила язык, так и до старости дожила, а сдержатъ его не умею.

Людмила Александровна. А ты уже записалась в ста-

рухи?

Олимпиада Алексеевна. По секрету, милая. Нам с тобой нечего чиниться друг перед другом, обеим по тридцати шести.

Людмила Александровна. Ой, Липа! Как же это? Мне то, действительно, тридцать шесть, а ведь ты старше меня на три года!

Олимпиада Алексеевна. Да? Ну, значит, с нынешнего дня будет тебе тридцать три, потому что я больше тридцати шести иметь не желаю. А, впрочем, не все ли равно? Разве годы делают женщину? Лета c'est moi! Кто мне даст больше тридцати? О тебе же и речи нет. Помню тебя девочкою: красавица была; помню барышней – тоже хоть куда. Замуж вышла, пошли дети, – подурнела, стала так себе; а теперь расцвела, прелесть, и только. Впрочем, зеркало перед тобою.

Людмила Александровна. Х-а-ха-ха!

Олимпиада Алексеевна. Нечего смеяться, правду говорю. А если не веришь на слово, что мы еще можем постоять за себя, вот тебе документа.

Людмила Александровна. Что такое?

Олимпиада Алексеевна. Billet doux. Так это называется. «Обожаемая Олимпиада Алексеевна! Давно скрываемое пламя любви»... и прочая, и прочая. Сегодня получила. И ему двадцать два года. Нет, старая гвардия умирает, но не сдается!

Людмила Александровна. Любовная записка? Вот че-

го я никогда не получала. Покажи.

Олимпиада Алексеевна. О, невинность!

Людмила Александровна (*возвращает письмо*). Глупо-то, глупо как!

Олимпиада Алексеевна. Это тебе с непривычки. А мне ничего, даже очень аппетитно. Я ведь специалистка, всю жизнь провела за этою корреспонденцией. И теперь пишу.

Людмила Александровна. Вот как.

Олимпиада Алексеевна. Право, пишу. Особенно артистам, которые в моде.

Людмила Александровна. И отвечают?

Олимпиада Алексеевна. А что им еще делать-то?

Людмила Александровна. А муж как смотрит на твои подвиги?

Олимпиада Алексеевна. Очень он мне нужен. Состояние мое и воля моя. Попутала меня нелегкая с этим браком.

Людмила Александровна. Если не любишь Ратисова, зачем вышла за него? Кто неволил?

Олимпиада Алексеевна. Думала, что он – порядочный человек, мужчина, а он размазня, тряпка, губка... Ты своего Степана Ильича хоть и не любишь...

Людмила Александровна. Это кто тебе сказал?

Олимпиада Алексеевна. Логика. Он старше тебя на двадцать лет.

Людмила Александровна. Лжет твоя логика. Замуж я шла, действительно, не любя. Но теперь я, право, даже и

представить себе не могу, как бы я жила не в этом доме, не со своим Степаном Ильичем, без Мити, без Лиды...

Олимпиада Алексеевна. Ну, тебе и книги в руки. Не очень-то я тебе верю. Сама жила за старым мужем: ученая!.. Неужели ни один мужчина не интересовал тебя в эти годы?

Людмила Александровна. После замужества? Ни один.

Олимпиада Алексеевна. Даже Аркадий Николаевич?

Людмила Александровна. Как тебе не стыдно?

Олимпиада Алексеевна. Да я ничего... болтали про вас много в свое время... Ну, и предан он тебе, как пудель... Спроста этак не бывает.

Людмила Александровна. Аркадий Николаевич был мне верным другом и остался. Между нами даже разговора никогда не было такого, как ты намекаешь, романтического.

Олимпиада Алексеевна. Вам же хуже: чего время теряли? Сердечкий – и умница, и знаменитость... чего тебе еще надо? Ну, да ваше дело: кто любит сухую клубнику, кто со сливками, – зависит от вкуса... Итак, ни один?

Людмила Александровна. Ни один.

Олимпиада Алексеевна. А меня, кажется, только один не интересовал: мой муж. Однако, что это я завела все о мужьях, да о мужьях? Веселенький сюжетец, нечего сказать. А, знаешь, не думала я, что из тебя выйдет недотрога. В девках ты была огонь. Я ждала, что ты будешь ой-ой-ой!

Людмила Александровна. Что-то не помню в себе подобных задатков.

Олимпиада Алексеевна. Ну, как не помнить? Да – что далеко ходить? Ревизанова разве позабыла? Чего мне стоило отбить его у тебя... Ну-ну! Мила! глупая! Зачем же бледнеть? Даже губы побелели...

Людмила Александровна. Вовсе нет, что ты выдумываешь?

Олимпиада Алексеевна. Ой-ой-ой! сударыня, злопаятна же ты. Пора бы простить и смеяться над прошлым. Невесть сколько лет вы расстались...

Людмила Александровна. Ах, перестань, Липа! Ты знаешь, что мне не могут быть приятны воспоминания об этом человеке.

Олимпиада Алексеевна. Да, красиво вел себя мальчик, – удавить, и то, пожалуй, не жалко. Хоть ты и злилась на меня в то время, зачем я стала между вами, а ты должна записать меня в поминание, за здоровье рабы Олимпиады. Не вскружи я Андрею Яковлевичу голову, быть бы тебе за ним.

Людмила Александровна. Ах, Липа!

Олимпиада Алексеевна. А из него, Милочка, вышел, говорят, превеликий мерзавец...

Синев (*входит*). Батюшки! кто это здесь произносит столь жестокия слова?... Здравствуйте, кузина. Здравствуйте; неувядаемая тетушка... Кого вы изволите громить, тетя Липа?

Садится.

Олимпиада Алексеевна. Стоящего человека.

Синев. А имя такового?

Олимпиада Алексеевна. Андрей Яковлевич Ревизанов.

Синев. О!..

Людмила Александровна. Вы знакомы?

Синев. Встречаемся... Да-с, это гусек! Как его не знать?

Он всю московскую зиму переполнил шумом своих успехов. Кто скупил чуть ли не все акции Черепановской дороги? Ревизанов. Кто пожертвовали пятьдесят тысяч в пользу голодающих черногорцев? Ревизанов. Кто съел ученую свинью из цирка? Ревизанов. Чей рысак взял первый приз на бегах? Ревизанов. Чей миллионный процесс выиграл Плевако? Ревизановский. У кого на содержании Леони самая шикарная в Москве кокотка? У Ревизанова.

Людмила Александровна. Чем он собственно занимается?

Синев. Состоит в звании интересного незнакомца.

Олимпиада Алексеевна. Я первая его отлично знаю.

Синев. С чем вас и поздравляю.

Людмила Александровна. Он старый наш знакомый, Петр Дмитриевич. Мой отец поставил его на ноги, вывел в люди.

Синев. Помню и знаю. Но между тогдашним Ревизановым и настоящим пропасть. Тот был бедняк, этот капиталист, тот кандидат в герои романа, этот из героев герой.

Людмила Александровна. Вы шутите?

Синев. И да, и нет. Я хотел бы рассказать вам биографию Ревизанова, но у него нет биографии. Есть легенда. Факты вот. Ревизанов был дважды женат на богатейших купчихах и, вдовея, получал в оба раза чуть не по миллиону в наследство. У него золотой промысел в Сибири. Он строил Северскую дорогу. Он директор и повелитель Северного банка. На Волге и Каме у него свое пароходство. Вот и все. Затем начинается легенда, то есть слухи и сплетни. Прикажете сплетничать?

Людмила Александровна. Пожалуйста.

Голос Мити, поющего куплеты из «Кармен».

Олимпиада Алексеевна. Что же ты?

Синев. Юношество грядет, учащаяся молодежь. При ней не дерзаю.

Митя входит бойко и весело, но, увидав Олимпиаду Алексеевну, конфузится.

Митя. Здравствуй, мама.

Робко кланяется Олимпиаде Алексеевне.

Людмила Александровна. Здравствуй. Отчего так ра-

но?

Митя. Физика не пришла. Распустили после большой перемены.

Олимпиада Алексеевна. Какой Митя у тебя хорошенький становится, Мила.

Синев. А вам нельзя не заметить? О, неисправимая тетушка! (*Mute*). И ты тоже хорош! Такая, можно сказать, неподражаемая со всех сторон дама тебя хвалить, а ты краснеешь, конфузишься... Стыдись! «Мужчина должен быть свиреп», говорит испанская пословица.

Людмила Александровна. Оставьте Митю в покое.

Синев. Уму-разуму учу: я буду тлеть, а он цвести. Ты, Митя, не стесняйся: тетушка тебе слово, а ты ей – двадцать; она тебе: ах! хорошенький! – а ты ей: смотрите и страдайте.

Людмила Александровна. Какие вы оба с Олимпиадою несносные пустословы!.. Липа! пойдём ко мне... Я покажу тебе новые мои туалеты: это по твоей части.

Олимпиада Алексеевна. Ещё бы не по моей! Не иду – лечу! (*проходя мимо Мити*). А ты все дичишься меня, волчек?

Синев. В самом деле, Митька, зачем ты глядишь на тетушку таким сконфуженным быком?

Митя. Ну ее!..

Синев. Глупо. Подобных дам юноша твоего возраста должен ценить на вес золота. День для них прошёл, вечер не наступил, а развлечения сердце дамское требует.

Митя. Не люблю я ее... Говорит она как-то эдак... как будто и ничего особенного, а покраснеешь от её разговора... Смотрит, ухмыляется...

Синев. Увы, мой друг! От своей судьбы не уйдешь. И думается мне, что никто другая, как блистательная Олимпиада, и есть твоя судьба. Ваш брат, молокосос, самой природой приспособлен для сих сорокалетних пожирательниц мужчин.

Митя. Веришь ли, как не люблю ее, как она мне надоела: даже по ночам сниться стала.

Синев. Даже по ночам сниться? *Finita la comedia*: сдавайся на капитуляцию, – и да будет над тобою благословение твоего доброго, старого дяди. Затем прощай... К обеду я вернусь, а до тех пор мне предстоит привести в совесть и чувство одного неблаговоспитанного конокрада.

Верховский и Ревизанов входят.

Верховский. Пожалуйте сюда, милости просим, батюшка Андрей Яковлевич. Вот гость, так гость! Прямо скажу: не жданный, но радостный... Где Людмила?... А! Митяй! Здравствуй! И ты тут, Петенька?... Андрей Яковлевич! Вам, чай, и не узнать этого молодца?

Ревизанов. Петр Дмитриевич Синев, – не правда ли? Я помню вас еще мальчиком в курточке. Я памятлив на лица и имена.

Синев. Качество королей.

Верховский. Служит, батюшка Андрей Яковлевич, судебный следователь и на отличнейшей дороге, Станислава имеет... Анну. Аль Анны-то у тебя, Петя, нету?

Синев. Нету, Степан Ильич, поторопились. Нету.

Верховский. Нет так будет, непременно будет, ты не горюй!

Синев. С чего мне?! помилуйте!

Верховский (*подводит Митю*). А это мой. Видите: весь в мать. Со мною точно на смех – ни черточки схожей, а мой баловень. Да что же это, Людмила? где она? Людмила Александровна! Людмила Александровна!

*Людмила Александровна и Олимпиада Алексеевна входят.
Ревизанов кланяется. Людмила Александровна...
Она отвечает ему очень холодно.*

Ревизанов. Кого я вижу? Вы ли это, Олимпиада Алексеевна?

Олимпиада Алексеевна. Разве я так переменялась?

Ревизанов. О, да! – но к лучшему.

Олимпиада Алексеевна. Как и вы. Вы всегда смотрели таким... джентльменом, а теперь стали точно принц Уэльский.

Синев. Вошла в колею... А конокрад-то мой дожидается. Сбежать под шумок... (*берется за шляпу*).

Олимпиада Алексеевна. Петя, ты на службу?

Синев. Да, тетушка, время.

Олимпиада Алексеевна. Я подвезу тебя: я на своих лошадях... Надеюсь, Андрей Яковлевич, что, навестив одну старую знакомую, вы и другой не забудете, посетите меня?

Ревизанов. Мне остается только просить извинения, что я раньше не был у вас.

Олимпиада Алексеевна. Смотрите же, я буду ждать. До свидания, Мила, до свидания, Степан Ильич. Руку, Петя.

Уходят, в сопровождении Мити.

Верховский. Присаживайтесь, Андрей Яковлевич... Так-то, так-то, батюшка. Сколько лет, сколько зим не видались! что воды утекло!

Ревизанов. Да, перемен не сосчитать. И в людях, и в обстоятельствах.

Верховский. Взять хоть бы вас, дорогой: куда широко шагнули. Туз из тузов, рукою вас не достанешь.

Ревизанов. О, что вы, Степан Ильич!

Верховский. А без лести скажу: остались такой же милый, непритязательный, простой, как были... Давно пожаловали к нам в Белокаменную?

Ревизанов. Второй месяц.

Верховский. Одни или с супругою?

Ревизанов. У меня нет семьи, Степан Ильич. Я вдовец.

Людмила Александровна. Я слышала, – даже дважды.

Ревизанов. Совершенно справедливо, Людмила Александровна, дважды.

Верховский. Ого! Значить, искушены супружеским опытом вполне?

Ревизанов. И сыт этим опытом по горло.

Верховский. На третий брачный дебют не посягаете?

Ревизанов. Ни в каком случае. Разве уж влюблюсь безумно... но это мне не по годам.

Людмила Александровна. К тому же, безумно любить три раза в жизни – не слишком ли много счастья для одного человека?

Ревизанов. Вы ошибаетесь: я не любил своих покойных жен.

Людмила Александровна. Откровенно.

Ревизанов. К чему же скрывать? Мы люди деловые, коммерческие, и браки у нас дело коммерческое, сделка по договору. У людей обыкновенных душа выходит за душу, тело за тело, любовь за любовь. А у нас деньги выходят за деньги же, либо за ум, за распорядительность, деловитость. Касса, мол, ваша велика и обильна, а порядка в ней нет: приди володети и княжители ею. Моей первой супруге был нужен, по её огромным, но расстроенным делам, хороши приказчик на отчет. Выбор её пал на меня. Она предложила мне, вместо всякого контракта, свою руку. Я принял и не раскаялся. Вторая моя жена крупная пароходовладелица, вышла за меня,

чтобы объединить в одном деле два капитала, мой и свой: до брака мы конкурировали, а, обвенчавшись, стали не только в плоть, но и в кассу одну... и затрещали наши конкуренты.

Людмила Александровна. Вам бы уж и продолжать в том же духе... Зачем же вы ищете для третьего брака «безумной любви»? Даже непоследовательно.

Ревизанов. Затем, что я достаточно богат, чтобы позволить себе эту маленькую роскошь, и, без неё, жениться более не намерен.

Людмила Александровна. Не надеетесь найти достойную?

Ревизанов. Если хотите, да.

Верховский. Ой, батюшка! заедят вас за эти слова наши дамы.

Ревизанов. Женщин, стоящих любви, очень мало на свете. Женщинам придают смысл и цену только те, кто их любит. Элоиза хороша потому, что ее любил Абелар, Манон Леско интересна потому, что ее любил шевалье де Грие. Я не охотник до женщин, чтобы полюбить которых, надо сперва влюбляться в их мужей и любовников.

Верховский. Ха-ха-ха! да вы шутник, Андрей Яковлевич.

Людмила Александровна. А другого типа женщин вы не встречали в своей... бурной жизни

Ревизанов. Встретил... одну. Давно... И – вечная ис-

тория о петухе и жемчужине! не узнал её и оскорбил, глупо, бессовестно, пошло, по-мальчишески оскорбил. И она отвергла меня. Как сейчас, помню её негодующий взгляд – взгляд ангела в день судный... Как я был побежден тогда! как раздавлен!.. О, больше уже никто, никогда в жизни не одерживал надо мною такой победы. Бывают моменты, которые остаются жить в сердце, как кровотоочные ранки, которые заживают лишь тогда, когда расквитаешься за обиду... Я со своею обидчицею так и не расквитался.

Горничная подаеть Степану Ильичу пакет с бумагами.

Верховский. Ага! из банка... Простите, Андрей Яковлевич, я оставляю вас на четверть часа, спешные бумаги, требуют моей подписи... Милочка! займи нашего гостя. Обедаете вы, конечно, у нас?

Ревизанов. Прошу извинить: я отозван к Лазарю. Но посидеть у вас несколько минут, если позволит Людмила Александровна, посижу с удовольствием.

Верховский. Я сейчас, сейчас...

Уходит.

Продолжительное молчание.

Людмила Александровна. Я не ждала видеть вас в своем доме.

Ревизанов. Я еще того менее. Всему виною случайная

встреча и любезность вашего супруга. Но тем лучше. Я, все равно, хотел видеть вас непременно. И – наедине, по весьма важному делу. Не сегодня, так завтра я просил бы у вас свидания. Позвольте мне сесть?

Людмила Александровна. Разве разговор будет длинный?

Ревизанов. Зависит от вас.

Людмила Александровна. Нельзя ли, во всяком случае, поскорее к делу?

Ревизанов. Как вы спешите! Какой резкий тон! Знаете ли, это даже не-хорошо в отношении старого приятеля. Я прихожу к вам не врагом, но с чувством глубокого, искреннего расположения и раскаяния.

Людмила Александровна. Мы старые приятели? Ваше расположение? Ваше раскаяние? Смешно слушать!

Ревизанов. Это презрение?

Людмила Александровна. Нет, просто действие давности. Людмила Рахманова, которую вы когда-то знали и обманули, умерла. Людмила Верховская судит ее, как судила бы любую из своих знакомых девочек, случись с нею такое же несчастье. Мне жаль ее, но нет до неё дела.

Ревизанов. Так-с. Следовательно, вам, Людмиле Александровне Верховской, будет безразлично, если кто-нибудь возьмет, да и огласит девический грешок Милочки Рахмановой?

Людмила Александровна. Что это? шантаж?

Ревизанов. Зовите, как хотите. Я не боюсь слов. Ах, Людмила Александровна! пустые это речи – о давности. Прошлое власть, и горе тому, кто чувствует ее над собою.

Людмила Александровна. Вы хотите показать мне свою власть? Я в нее не верю.

Ревизанов. Не обманывайте себя: верите.

Людмила Александровна. Нет и нет. Что можете вы сделать? рассказать свету наш забытый роман? Кто же вам поварить? Да, если и поверят, кто же придаст значение такой старой истории? Вы даже не испортите мне моего семейного счастья: мой муж слепо верить в меня.

Ревизанов. Тем грустнее было бы ему узнать, что верить не следовало. Конечно, девический грешок не будет в состоянии совершенно уничтожить ваше положение в обществе. Ну, посмеются задним числом, подивятся, как это холодная, целомудренная Людмила Верховская умела отыскивать в своей душе страстные звуки, когда писала к Андрею Ревизанову.

Людмила Александровна. Ах, эти письма!

Ревизанов. Они все целы. Что, если, например, я явлюсь с вашими письмами к вашему сыну и скажу ему: я – твой отец? Пусть я не докажу своих слов, но ведь и вам нечем опровергнуть мое обвинение. А в семье-то... говорят; она у вас рай земной... в семье-то ведь ад начнется?

Людмила Александровна. Довольно. Вы сильны, вы очень сильны. Радуйтесь: я боюсь вас. Но зачем вам это, за-

чем? Чего вы хотите от меня?

Ревизанов. Много.

Людмила Александровна. Не денег же: вы неизмеримо богаче меня.

Ревизанов. Конечно, не денег. Нет... Любви.

Людмила Александровна. Как?!

Ревизанов. Сядьте, успокойтесь. Да, я прошу вашей любви. Я влюблен в вас. Влюблен... как мальчишка. Послушай же, Людмила...

Людмила Александровна. Как вы смеете!

Ревизанов. Виноват... Людмила Александровна. Я часто бываю в Москве и много слышал о вас и все хорошее. Верховская красавица, Верховская умница, Верховская воплощенная добродетель. И, каждый раз, что-то щипало меня за сердце. Красавица, да не твоя. Умница, да ты потерял ее, бросил, надругался. Наконец я увидел вас в опере, в ложе, с Ратисовою. Увидел и тогда же решил: эта женщина должна быть снова моею, или я возненавижу ее и сделаю ей все зло, какое только может сделать человек человеку.

Людмила Александровна. Это бред какой-то... Вы с ума сошли!.. Всего я ждала от вас только не этого.

Ревизанов *(смеется)*. Да? Так и запишем. Андрей Ревизанов объяснился Людмиле Верховской в любви, и Людмила Верховская прогнала его прочь. Но я не послушаюсь вас и не пойду прочь, потому что вы прогнали меня необдуманно и в конце концов полюбите меня.

Людмила Александровна. Никогда!

Ревизанов. Переменим выражение: будете принадлежать мне.

Людмила Александровна. А! Негодяй!

Ревизанов. Опять резкое слово. Хорошо пусть негодяй. Так что же? И негодяй может быть влюбленным. Скажу даже больше: влюбленный негодяй зверь весьма интересный. Влюбленный негодяй, например, просит любви только один раз. Но, отвергнутый, не отступает, а требует ее, берет хитростью, силой, покупает, наконец.

Людмила Александровна. И вы зовете это любовью!

Ревизанов. Послушайте: ваша честь в моей власти. Я продам вам эту власть.

Людмила Александровна. Боже мой! есть ли в вас стыд, Ревизанов?!

Ревизанов. Вы получите обратно все ваши письма. А без этой улики я бессилён против вас. Что же?

Людмила Александровна. Дьявол вы или человек? я не знаю. Мужчина не решился бы предлагать такую отвратительную подлость женщин, которую любил когда-то.

Ревизанов. Когда-то я не любил вас, Людмила Александровна. Я лишь забавлялся вами. А вот теперь люблю. Да, люблю взгляните на меня еще раз таким мрачным взглядом. Люблю вас за это гневное лицо, за эти огненные презрительные глаза... Я никогда не верил в силу мечты, а теперь познаю ее. Мои сны, мои думы полны вами. Вы ненавидите ме-

ня, а мне приятно быть с вами. Каждое ваше слово дерзость, а для меня оно музыка. Но полно распространяться о любви: каким соловьем я ни пой, вы уже не влюбитесь в меня, а принадлежать мне вы, и без того, будете.

Людмила Александровна (которая, едва, слушая последние слова Ревизанова, горько плакала, прерывает его умоляющим жестом). Сжальтесь надо мною! Я с трудом сдерживаю себя. Если вы продолжите ваши объяснения, я кончу истерикою. Неужели это также входит в ваши расчеты?

Ревизанов *встает.* О, нет. Но надо же выяснить наши отношения. Последний вопрос отвечайте на него без лишних слов и оскорблений: согласны вы быть моею?

Людмила Александровна. Нет.

Ревизанов. Это окончательный ответ? Подумайте.

Людмила Александровна. Нет, нет и нет.

Ревизанов. Тогда выслушайте и мое последнее слово. Я даю вам почти неделю срока. Сегодня понедельник. Если в субботу я не увижу вас у себя, ваши письма получать огласку.

Людмила Александровна. В какую пропасть я попала!

Ревизанов. Так как же?

Людмила Александровна. Не знаю. Я... я совсем сбилась с толка...

Ревизанов. Я буду считать ваши слова за согласие.

Людмила Александровна. Нет! нет! Ради Бога, нет! Я должна подумать. Не отнимайте у меня хоть этого права.

Ревизанов. Как угодно. Вся эта неделя в вашем распоря-

жении. В субботу я буду ждать вас до часу ночи. (*Молчание*). Карточку с моим адресом позвольте вам вручить. До свиданья.

С поклоном уходит. Людмила Александровна, рыдая, падает на кушетку.

Занавес.

Действие II

У Ратисовых.

Полутемная гостиная. Из дверей налево бьет яркий свет, слышен гул общего разговора.

Людмила Александровна (*сидит одна, в глубокой задумчивости*). Тьма во мне. Мысли все такие пугливые, спутанные... на сердце камень. Разобраться не могу: что я совсем пропала, безвыходно и безнадежно? или и бояться мне нечего, и опасности никакой нет, и угрозы Ревизанова просто дерзкое хвастовство нахального человека с расчетом на слабые женские нервы? Чего бояться? чего? Есть ли смысл Ревизанову, в его блестящем, видимом положении, запятнать, вместе с моим, и свое имя! Ведь не думает же он, что доведенная до позора и отчаяния, я не обличу всей его подлости, всех его наглых вымогательств?.. А все-таки... жутко!

Входят Синев и Сердецкий.

Синев. Что это вы уединились, кухня? да еще в потемках?

Людмила Александровна. У меня от вашей болтовни и смеха разболелась голова.

Сердецкий. Смеха? Да вы в течение всего обеда ни разу не улыбнулись.

Людмила Александровна. Зато другие смеялись слишком много и громко.

Синев. Мы тут ни при чем: благодарите г. Ревизанова.

Людмила Александровна. Аркадий Николаевич, как понравился вам этот господин?

Сердечкий. Любопытный типик. Я еще не встречал таких?

Людмила Александровна. Он вам не противен?

Сердечкий. Мне? Бог с вами, душа моя. Люди давно перестали быть мне милы, противны, симпатичны, антипатичны. Для меня общество лаборатория; новый знакомый – объект для наблюдений, человеческий документ, – и только.

Синев. У г. Ревизанова, надо полагать, имеется приворотный корень. Мы с вами, Людмила Александровна, одни в открытой оппозиций. Аркадий Николаевич, как хитрый Талейран, держит нейтралитет. А Степан Ильич и Ратисов прямо влюблены: глядят Ревизанову в глаза, поддакивают, хохочут на каждую остроту... черт знает, что такое!.. Об Олимпиаде Великолепной я уже не говорю. Сия рыжая, но глупая Венера прямо потопила его волнами своей симпатии.

Сердечкий. Вы смеетесь над другими, а сами, кажется, больше всех заинтересованы им, таинственным незнакомцем.

Синев. Мое дело особое.

Сердечкий. Почему же?

Синев. Потому, что сколько вору ни воровать, а острога

не миновать. У меня есть предчувствие, что мне еще придется со временем возиться с г. Ревизановым в следственной камере. Сейчас он разглагольствовал, свои убеждения развивал... Ну, ну! не желал бы я попасть в его лапы.

Людмила Александровна. А!

Синев. Вы посмотрите на его физиономию: маска. Нежность, скромность, благообразие; не лицо, а «Руководство хорошего тона»; губы с улыбочкой, точно у опереточной примадонны. А в глазах сталь: не зевай, мол, человек, sloпaю!

Слуга входит, открывает электричество и уходит. Людмила Александровна встает, закрывая глаза рукою.

Э! что с вами, кузина?

Людмила Александровна. В висках нестерпимая стукотня...

Сердечкий. Вы, если очень дурно, домой ехали бы...

Людмила Александровна. Нет, я пойду – прилягу в будуар Липы... дайте мне вашу руку, голова кружится...

Уходит, опираясь на Сердечкого.

Входит Митя. В столовой хохот.

Синев. А! юный победитель поношенных сердец!

Митя. Ты опять дразишь меня? Так я лучше уйду. Я се-

годня не в духе.

Синев. Нырнул в море уныния?

Митя. На самое дно.

Синев. Это с какой же стати?

Митя. Так.

Синев. В твои годы слово «так» переводится на русский язык двояко: или кол за Цицерона, или огорчение в платонической любви. Ну! кто виноват? Марк Туллий или тетя Липа?

Митя. Ах, дядя! Есть чувства...

Синев. Ага! уже есть чувства! Bravo, Митя, bravo! Ты делаешь успехи...

Митя. Тебе бы только смеяться над всем святым... возвышенными.

Синев. Не смеюсь, Митяй, ей Богу, не смеюсь, но плачу, горькими слезами плачу, что она сегодня прицепилась репейником к Ревизанову, а на тебя – нуль внимания.

Митя. И что она в нем нашла? Только-что – капиталист!

Синев. Да. А ты – только что гимназист. В том, главным образом, между вами и разница. И вот что скверно: замечено учеными, что женщины гораздо чаще предпочитают капиталистов гимназистам, чем наоборот. Знаешь что? Вызовем-ка его на дуэль?

Митя. А ты думаешь, я не способен?

Синев. О, смею ли я сомневаться?

Митя. Я такой! Я, еще в третьем классе, убежал было в

Америку, к индейцам... Вот я какой!

Синев. Не дошел?

Митя. Вернули... От Тверской заставы.

Синев. Жаль! А то бы недурно его... по-индейски: сперва подстрелить, а потом скальпировать...а?

Митя (*презрительно пожав плечами, декламирует из «Горя от ума»*) Шутить и век шутить как вас на это станет?

Олимпиада Алексеевна, появляется в дверях столовой.

Олимпиада Алексеевна (*в столовую*). Перейдем сюда, господа! Здесь не так жарко... А! симпатичный дуэт!

Синев. Нежного тенора и коварного баритона, тетушка. Коварный баритон это я. А вот вам и синьор Деметрио Аморозо, прямо теноре.

Митя. Кажется, мы не в гимназии... Что за клички!

Синев. По шерсти, душенька. Митя. И я очень прошу тебя: говори за одного себя, а меня оставь в покое... Я не желаю! По какому праву? Это посягательство на личность.

Синев. Слова-то, слова-то какие он знает! Слушать страшно!

Олимпиада Алексеевна. Пошла травля! Чуть вместе, – уж и сцепились! Будет вам!.. Ну-с, – так, о чем же вы тут поете?

Синев. Он ревнует, а я накаливаю его до состояния мстительных эксцессов.

Олимпиада Алексеевна. Какие страсти! Это по чьему же адресу?

Синев. По-вашему, Липочка.

Олимпиада Алексеевна. Какая я тебе Липочка?

Синев. После такого обеда, как у вас, для меня всякая женщина Липочка.

Олимпиада Алексеевна. Что он говорить, Митя! Зажми уши и беги вон!

Синев. Как хор в операх: бежим! бежим! – а сами ни с места.

Олимпиада Алексеевна. Нам с тобою, Митя, и слушать его грех.

Синев. «Нам с тобою?!» Уже? Митяй! остерегись! отойди от зла и сотвори благо! Не то, недели через две, кричать тебе на всю Москву: «разлюбила ты меня, Кармен!»

Митя. По опыту знаешь?

Олимпиада Алексеевна. Так его, так его, Митя!

Синев. Ай да синьор Аморозо! каков зверенок, огрызается?! Но, Митя! не растравляй моих душевных ран!

Олимпиада Алексеевна. Скажите!

Синев. Не буди змеи воспоминаний. И я в Аркадии родился.

Олимпиада Алексеевна. Только тебя оттуда вывели.

Синев. Вы, Липочка, кажется, в мифологии-то дальше загородной Аркадии не ушли?

Олимпиада Алексеевна. А разве есть другая?

Синев. Есть.

Олимпиада Алексеевна. Где же?

Синев. На своем месте. Спросите классика. Он знает.

Когда я был аркадским принцем,

Я тетю Липу полюбил...

О-о-ох!

А-а-ах! Я тетю Липу полюбил!

Олимпиада Алексеевна. Шут!.. Митя! а ты хочешь быть аркадским принцем?

Синев. Подумай, братец! не торопись ответом. Помни: все, аркадские принцы калифы на час... А потом их спускают через трап прямо в ад, с разжалованием в Ваньки Стиксы.

Митя. Так что, дядя, ты теперь выходишь Ванька Стикс?

Олимпиада Алексеевна. Браво, Митя!

Синев. И вы против меня, аркадская пастушка? Вы, значить, собираетесь разыграть меня в четыре руки? Нет, слуга покорный! Я уступаю и отступаю...

Когда я был аркадским принцем,

Когда я был аркадским при-и-инцем...

Попятившись, наступает на ногу Ратисову, который, вместе с Верховским и Ревизановым, входит из столовой.

Ратисов. Ох, если это у вас называется отступить, то каково же вы наступаете?

Синев. Виноват, дядюшка.

Ратисов. Бог простит. А каламбурчик мой заметили?

Синев. Прелесть. Вы всегда каламбурите или только когда вам наступят на мозоль?

Ратисов. У меня юмор брызжет.

Синев. Вы бы в юмористические журналы писали, а?

Ратисов. Пишу.

Синев. Ой ли? И ничего, печатают?

Ратисов. С благодарностью.

Синев. Скажите!

Ратисов. Ценят. Вы, говорят, ваше превосходительство, юморист *rig sang*, а нравственности у вас что у весталки. Вы не какой-нибудь борзописец с улицы, но патриций-с, аристократ сатиры. Этакого чего-нибудь резкого, с густыми красками, слишком смешного, не семейного, у вас ни – ни.

Синев. Под псевдонимцем качаете?

Ратисов. Разумеется. «Действительный юморист», это я. Я было хотел подписываться «действительный статский юморист» – этак слегка намекнуть публике, что я не кто-нибудь, не праздношатающий бумагомаратель. Но цензура воспротивилась. Оставила меня без статского... Мысль! Позвольте карандашик.

Синев. Вдохновение заиграло?

Ратисов. Мысль: детей оставляют без сладкого, а меня оставили без статского... Правда, хорошо?

Синев. Изумительно!

Ратисов. Запишу и разработаю па досуге...

Пишет. Синева уходит к Олимпиаде Алексеевне, которая в стороне беседует с Митей.

Митя. Вот вы все надо мною смеетесь, а я... я даже Добролюбова читал, ей Богу. Хоть весь класс спросите... Уж я такой! Я могу понимать: у меня серьезное направление ума...

Смолкает при приближении Синева. Все трое остаются в глубине сцены, в тихом шутливом разговоре.

Верховский. Как угодно, Андрей Яковлевич, а все это софизмы.

Ревизанов. Как для кого.

Верховский. Вы меня в свою веру не обратите.

Ревизанов. Я и не пытаюсь. Помилуйте.

Верховский. Я даже позволяю себе думать, что это и не ваша вера.

Ревизанов. Напрасно. Почему же?

Верховский. Вера без дел мертва, а у вас слова гораздо хуже ваших дел.

Ревизанов. Спасибо за лестное мнение.

Верховский. На словах, вы мизантроп и властолюбец.

Ревизанов. Я, действительно, люблю власть и, в огром-

ном большинстве, не уважаю людей.

Верховский. Однако вы постоянно делаете им добро?

Ревизанов. Людям? Нет.

Верховский. Как нет? Вы строите больницы, училища, тратите десятки тысяч рублей на разные общепользные учреждения... Если это не добро, то что же по-вашему?

Ревизанов. Кто вам сказал, что я делаю все это для людей и что делаю с удовольствием?

Верховский. Но...

Ревизанов. Мало ли что приходится делать! Жизнь взятков требует. Только и всего.

Ратисов. Андрей Яковлевич клеветает на себя. Он делает добро инстинктивно. Он хочет, сам не сознавая того, отслужить свой долг пред обществом, которое его возвысило.

Ревизанов. Долг!.. Отслужить!..

Верховский. Вы смеетесь?

Ревизанов. Нет. Я только нахожу эти слова неестественными. Зачем человек будет служить обществу, если он в состоянии заставить общество служить ему? К чему обязываться чувством долга, когда имеешь достаточно смелости, чтобы покоряться лишь голосу своей страсти?

Верховский. Сколько вам лет?

Ревизанов. Сорок четыре

Верховский. Мне пятьдесят шесть... Странно. Разница не так уж велика... а, – извините меня! – я не понимаю вас, мы словно говорим на разных языках.

Ревизанов. Да, так оно и есть. Я говорю на язык природы, а вы на язык культуры. Вы толкуете о господстве долга, а я о господстве страсти. Вы стоите на исторической, условной точке зрения, а я на абсолютной истин. Вам нравится, чтобы ваша личность исчезала в обществе; я напрягаю все силы, чтобы, наоборот, поставить свою волю выше общей.

Синев (*издали*). Вот как!

Ревизанов. Вы что-то сказали?

Синев. Простите, пожалуйста, но вы мне напомнили... впрочем, неудобно рассказывать: не совсем ловкое сближение...

Ревизанов. Не стесняйтесь.

Синев. Я уже слышал вашу фразу недавно, на допросе одного интеллигентного... убийцы с целью грабежа. Он, между прочим, тоже определял преступление, как попытку выделить свою личную волю из воли общей, поставить свое *я* выше общества.

Ревизанов. Да, в сознательном преступлении есть этот оттенок.

Верховский. И преступление обычная дорога к вашему излюбленному царству страсти.

Ревизанов. Бывает.

Верховский. Хорошая дорога, скажете?

Ревизанов. По крайней мере, хоть куда-нибудь приводит.

Верховский. Помилуйте! да если все станут так думать

и жить... что же это будет? Ведь в такой компании люди пожрут друг друга.

Ревизанов. Что же? Горе побежденным....

Входят Людмила Александровна и Сердечкий. Людмила Александровна садится в тени, в глубине сцены.

Синев. Все это прекрасно, Андрей Яковлевич теории можно разводить всякие, и, пока ваше царство страсти остается в мире, так сказать, умозрительном, нам, обыкновенным смертным, можно с грехом пополам жить на свете. Но скверно, что из теоретической? области то и дело проскальзывают фантомы в действительную жизнь.

Ревизанов. А вы их ловите и отправляйте в места не столь и столь отдаленные. Это ваше право.

Синев. Да, ведь всех не переловишь.

Ревизанов. А не поддаваться их право.

Синев. Иного и схватишь, нить! Скользок, как угорь, вывернется и уйдет в мутную воду. Закон – дело рук человеческих, а преступление дело природы. Закон имеет рамки, а преступление нет. Закон гонится за преступлением, да не всегда его догоняет. Да вот вам пример. Вчера я слышал одну историю: попробуйте преследовать её героя по закону...

Олимпиада Алексеевна (*отрываясь от разговора с Митей*). Если что-нибудь страшное, не рассказывай: я покойников боюсь.

Синев. Дело на Урале.

Ревизанов. Знакомые места.

Синев. Герой местный Крез, скучающий россиянин из любимого вами, Андрей Яковлевича типа людей страсти и личного произвола...

Верховский. Проще сказать: самодур.

Синев. Но образованный, заметьте.

Ревизанов. Есть там такие. Ну-с?

Синев. Развлечения ради, задумался этот Крез влюбиться в некоторую барыньку, жену довольно влиятельного в тех местах лица... Барынька оказалась не из податливых...

Сердечкий. Крез поклялся, что возьмет ее, во что бы то не стало...

Синев. Откуда вы знаете?

Сердечкий. Предположил по шаблону, всегда так бывает.

Синев. Да... И начал орудовать. Да ведь как! Супруг упрямой красавицы до тех пор отлично шел по служб, а теперь вдруг, ни с того ни с сего, запутался в каких-то упущениях, попал под суд и вылетел в отставку с запачканным формуляром. В обществе пошли гадкие слухи о поведении молодой женщины. Репутация несчастной была разбита, семейная жизнь её превратилась в ад. Знакомые от неё отвернулись, муж вколачивал жену в гроб ревностью, родные дети презирали ее, как развратную женщину...

Людмила Александровна. Ах!

Синев. А? что? вам опять нехорошо, кузина?

Людмила Александровна. Не обращайтесь на меня внимания: так... приступ мигрени...

Олимпиада Алексеевна. Ну, а конец-то, конец твоего романа?

Синев. В один прекрасный вечер...

Сердечкий. После ужасной семейной сцены...

Синев. Вы, Аркадий Николаевич, невозможны с вашей прозорливостью. Ну-да, после ужасной семейной сцены, горемычная барынька ушла, в чем была, из дома и постучалась таки...

Сердечкий. К Крезу.

Ревизанов. Что и требовалось доказать.

Верховский. Вот видите, Андрей Яковлевич.

Ревизанов. Виноват. Позвольте, господа. Чего вы от меня хотите? Что-бы я не осудил этот поступок? Осуждаю. Но ведь я не утверждал, что люди страсти хорошие люди. Я только говорил, что это люди, которые хотят быть счастливыми, умеют брать свое счастье с боя и ради него на все готовы...

Людмила Александровна. На все?!

Ревизанов. Я раньше слышал вашу историю, Петр Дмитриевич, и хорошо знаю её героя.

Синев (*в сторону*). Медный лоб!

Ревизанов. Это, действительно, упрямый и страстный человек.

Людмила Александровна *(не глядя на него, издали).*

А... а совесть? упрекает его когда-нибудь?

Ревизанов *(окидывает ее внимательным взором... после краткого молчания, решительно).* Не думаю.

Людмила Александровна, с тихим содроганием, поникает головою.

Олимпиада Алексеевна. Скучная твоя история, Петя. Я думала, он ее убьет или она его.

Синев. Да вы же покойников боитесь?

Олимпиада Алексеевна. Я только утопленников, если в воде долго пробыли, а, если с револьвером, ничего... даже интересно.

Синев. Жест красив?

Олимпиада Алексеевна. Вот именно.

Ратисов. Господа, отвлеченности вещь хорошая, только, знаете ли, винта они все-таки не заменят.

Синев. Демосфен глаголет вашими устами, дядюшка.

Ратисов. У меня в кабинета уже приготовлен столик.

Верховский. Так что же мы теряем золотое время?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.